

Максим Васюнов

RASSOLNIKI

МАКСИМ ВАСЮНОВ

Rassolniki

«Accent Graphics communications»

2013

Васюнов М.

Rassolniki / М. Васюнов — «Accent Graphics communications»,
2013

В провинциальном городе все чаще стали нападать на так называемую «гопота» – парней в штанах с «тремя полосками» с пивом и сигаретой в руках, бродящих по кабакам, занимающихся мелким разбоем, живущих без царя в голове. Известны организаторы этих «зачисток» – некие RASSOLNIKI. Лидеры этой группировки уверены – гопота это порождение Советского Союза и она мешает встать на ноги новой стране. Особенно гопота во власти, с которой RASSOLNIKI планируют бороться далеко не маргинальным методом. Тем временем в город приезжает известный журналист Александр Рублев, ему поручено провести расследование и сделать о RASSOLNIKах материал. Но он и не представляет, как круто изменит его жизнь эта командировка. «RASSOLNIKI» – это роман-портрет современной России. Драки, акции оппозиции, интеллектуальные разговоры людей об истории страны, эпизоды из жизни маргиналов, бандитов и чиновников, сцены любовной страсти и невероятных подвигов в борьбе за сомнительные идеи. Всего этого в романе, как и в сегодняшней жизни, с избытком. Это книга – попытка объяснить, что происходит с новой Россией. И ответ на главный вопрос современной активной молодежи – что делать, если хочешь изменить страну, но не знаешь как. Осторожно, вы можете найти в романе себя!

© Васюнов М., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	10
III	15
IV	19
V	24
VI	28
VII	32
VIII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Максим Васюнов

Rassolniki

Посвящается Ольге Васюновой

*...а оглянуться б добро:
каких мы русских тем временем вырастили?
Оглянешься – остолбенеешь!*

А. И. Солженицын «Пасхальный крестный ход»

Часть первая

I

Прожектора железной дороги размывали ночное задымлённое небо над продолговатым двухэтажным зданием вокзала. Зрелище волшебное. Чтобы увидеть это, необязательно было смотреть вверх – акварель жёлто-красных облаков выливалась на привокзальную площадь, отражаясь в лужах поздней осени, смешиваясь с тенями городской архитектуры.

Сегодня в краски мокрого привокзального асфальта добавился еще один непривычный оттенок жёлтого.

Это «запорожец» въехал на площадь со стороны местного рынка. Автомобиль двигался медленно и постоянно вилял, словно выбирал, где бы встать, чтобы гармонично вписаться в «интерьер» площади. Подъехав прямо ко входу на вокзал, к тому, над которым висели покрытые густой сажей часы с московским временем, «запорожец» напоследок дернулся и остановился. Привокзальные голуби заворковали громче обычного, им выбор водителя явно не понравился – картинка испорчена. И если бы не любопытство, они бы улетели отсюда в ночь...

Спустя минуту из «запорожца» вышел парень лет тридцати в белых кроссовках, в синих джинсах и красной тенниске. Парень был крепкий, высокий, со светлыми волосами. Один из голубей, скорее всего – голубка, проворковал, мол: «Неплох гость!». Гость на комплимент отреагировал равнодушным взглядом – в больших голубых глазах не зажглось ничего, что давало бы голубке надежду.

Парень посмотрел на наручные часы, потом взглянул на часы перед входом. Время отличалось на два часа. Местного – полдвенадцатого; московского, как показывал вокзальный циферблат, полдесятого. Это означало, что экспресс из аэропорта прибудет с минуты на минуту. А вместе с ним на эту площадь должен прибыть его друг и тезка Александр Рублёв.

Они не виделись столько, сколько люди при встрече обычно измеряют вопросом: «Сколько лет, сколько зим?» или более точно: «Уже ведь лет сто прошло?». Последний раз они жали друг другу руки после окончания журфака, на утро после выпускного. Рублёв уезжал в Москву, а Ведов провожал, заталкивал ему в карман пирожок с капустой и просил, перекрикивая монотонную дикторшу: «Если что, немедленно возвращайся! Слышишь, Сань? Возвращайся!». Но Александр не вернулся. В столице он стал специальным корреспондентом престижного интернет-журнала, человеком известным. Настолько, что Ведов – тоже довольно популярный журналист своего города, уже и не надеялся с ним встретиться. А всё вот как повернулось!

За размышлениями Александр прослушал, как объявили прибытие электрички. Он бы и друга не заметил. Выручили голуби, внезапно вспорхнувшие в тот момент, когда тяжёлые стеклянные двери со скрипом раздвинулись. В город шагнул Рублёв.

Город шагнул навстречу. Показалось, что на крыше гостиницы, что напротив вокзала, ярче обычного вспыхнуло громадное название города, невдалеке промчался дребезжащий дежурный трамвай, кто-то сигналил в ближайших дворах. Первое, что почувствовал Рублёв, глядя на привокзальный кусочек своей малой родины – чувство гордости за то, что родной город живёт и дышит. Он словно завис от этой мысли, осматривая синими глазами изменившуюся панораму.

Ведову пришлось свистнуть, чтобы обратить на себя внимание старого друга.

– О, Санёк, привет! А я смотрю – ты, не ты!? – оправдал свою невнимательность Рублёв, сбегаая с вокзального крыльца. – Ты подросток что ли, Сань?! Я тебя на улице никогда бы не узнал!

– Здорово, брат!

Приятели обнялись, и Ведов понял, что они оба выросли. Сейчас он душит в объятьях уже не того пацана, которого провожал в столицу. Теперь перед ним широкоплечий детина с резкими чертами лица, будто высеченными из камня, с глубоко посаженными глазами, слегка обвисшим подбородком и уже с седеющими волосами. Он был похож на политиков, которых часто показывают по телевизору на встречах с президентом, только для полного сходства Александру не хватало дорогого делового костюма и очков.

– Сань, нуты как всегда, креативщик херов! Твоя? Или напрокат взял? – спросил с усмешкой Рублев, высвободившись из крепких приятельских объятий.

Ведову явно польстило, что его раритетное авто заинтересовало избалованного москвича, однако отвечать он не стал, а лишь жестом пригласил садиться.

Сели, Ведов завёл запорожец, тот задрожал, но все же двинулся.

– Ну, рассказывай, как долетел?

– Да нормально, ничего интересного. Это ты лучше рассказывай – как жизнь, как работа, как эти отморозки? – Отвечать вопросом на вопрос для друзей, которые давно друг друга не видели, обычное дело.

– Да всё тип-топ! – радостно сообщил Ведов, въехав на скорости в широкую лужу. – Кстати об отморозках. Не хочешь ли сразу окунуться в работу? Мне тут позвонили из полиции, рассказали, что в микрорайоне час назад задержали педофила...

– И что? – не понял Рублёв, – Мы тут причём?

– Педофил этот, говорят менты, из этих, как ты говоришь, «отморозков».

– Как так? – снова удивился Рублёв даже больше, чем предложению поехать к педофилу. – Они же вроде такие правильные, за ЗОЖ и так далее.

– Да я не знаю, – перебил Ведов и, судя по интонации, он сам был удивлен, узнав об этом происшествии в микрорайоне, – Вот и поехали, посмотрим!

– Поехали, конечно! – пробормотал Рублёв. В это время запорожец миновал широкую лужу и вывернул на центральную улицу города.

Проспект Ленина, конечно.

Это был уже не тот темный мрачный проспект, который рисовала память Рублёва. Теперь вся улица был залита светом. Александру казалось, что едут они не по проспекту, а по какому-то млечному пути, образ дополняли витрины магазинов и сказочные фасады домов, стоящие вдоль дороги. Все до единого они были осыпаны гирляндами и разноцветными лампочками, будто город уже готовился к Новому Году. И, конечно, тополя. Они всегда считались символом города, они сопровождали горожан везде, куда бы те не шли. Но в этот раз тополя напоминали эксклюзивные экспонаты на какой-нибудь супергламурной выставке. Деревья сыпали красными и желтыми листьями. Свет фонарей превращал их в драгоценные камни, которые горели, подрагивая на ветру.

Рублёв словно оказался в большой ювелирной мастерской на выставке сказок. Он, казалось, захлебнулся этими янтарно-рубиновыми видами из окна запорожца, по крайней мере, ничего выговорить он не мог. Весь этот свет центральной улицы будто влился в его сердце, которое скучало не раз по этому городу за тысячи километров отсюда. И вот сейчас это сердце почувствовало, как ностальгическая жара сменилась мягкой спокойной теплотой. Сейчас, проезжая по проспекту Ленина впервые за много лет, Рублёв чувствовал себя так блаженно, что предложи ему Ведов бросить всё и остаться здесь навсегда – он бы, не раздумывая, согласился.

Но Ведов не предложил, вместо этого он резко затормозил посреди цветущего осенью и ночью проспекта.

– Да, очень красиво! Спасибо, Саш, я уже заметил, как здесь классно, – Рублёв был совершенно уверен, что друг остановился для того, чтобы продлить ему очарование городом. Но у Ведова были менее поэтичные намерения.

– Глянь-ка вон туда, – сказал Ведов и указал рукой на дом, стоящий чуть в глубине улицы, не на одной линии с другими домами. Стояло здание, впрочем, вполне гармонично, пространство между ним и дорогой занимал небольшой скверик с фонтаном.

– Вот этот скверик, где фонтан и скамейки, пару лет назад называли Мюнхеном, – рассказывал Ведов, – здесь собирались всякие скинхэды, панки, футбольные хулиганы, потом они исчезли отсюда, а ещё спустя какое-то время вон на той стене, на доме за фонтаном, видишь, – рука Александра вытянулась ещё на пару сантиметров, – там появилась надпись.

Рублёв прищурился, но ничего не разглядел, полез в карман куртки за очками. Ведов даже улыбнулся, подумав про себя, что теперь образ Сашки, серьёзного «президентского» деятеля, дополнен.

На освещённой стене Рублев увидел чёрную трафаретную надпись «RASSOLNIKI», а под надписью цифру «155».

– Гм, забавно, – прокомментировал Александр, – слово я знаю, это название местной группировки очистителей, а цифра что означает?

– Так они подписывают, сколько их человек в банде, цифра эта всё время, кстати, растёт, – ответ Рублёву понравился. Эта была «вкусная» деталь для его будущего материала.

– И что, они постоянно приходят и переписывают цифру? – спросил приятеля Рублёв, желая скорее услышать положительный ответ, ведь это вносило бы в историю дополнительную интригу и даже мистику.

– Представляешь, Сань, да! Как им это удаётся – никто не знает, менты постоянно здесь сидят в засаде, но до сих пор не понятно, когда и как появляется новая цифра, – увлеченно рассказывал Ведов.

– Хрень какая-то, – пробормотал Рублев, подумав при этом, что и в самом деле, без мистики не обойдется. Он уже начал представлять, как опишет эту историю в своём материале, ведь журналистский опыт подсказывал – те слова, что приходят в голову об объекте, когда смотришь на этот объект – и есть самые точные, – а что им эта стена-то далась, она особенная какая-то?

– Да кто их знает? Центр города, вот и позируют, – мрачно ответил Ведов, словно вопрос ему не понравился, – поехали уже в микрорайон.

Педофил из «очистителей» жил в двенадцатиэтажном доме на краю города на девятом этаже. По словам полицейских, встретивших журналистов на пороге квартиры, изнасилование произошло в одном из двух лифтов этого же дома. Насильник поднимался к себе, а в то время на втором этаже в лифт зашла 15-летняя девочка, которая возвращалась от соседки-одноклассницы. Школьница, как заметили полицейские, «вполне созрела», да и одета была в лёгкий халатик, «вот парень и не выдержал».

– После содеянного, – рассказывал информатор Ведова, щупленький черноволосый лейтенант, – гражданин никуда скрыться не пытался, засел дома, двери сотрудникам полиции сам открыл и всё рассказал.

– И что сам рассказал, что не выдержал? – спросил Рублёв лейтенанта.

– На вопрос сотрудника правоохранительных органов о мотивах... – начал было рапортовать полицейский, но Ведов прервал его, сказав, что можно не «официозничать», что Александр хоть и из Москвы, но свой человек, простой, к тому же родился здесь. Информатор, облегчённо вздохнув, мгновенно поменял стиль разговора, подтвердив, что «этот сука недоделанный так и сказал, что не выдержал».

– А что, Вить, – обратился Ведов к лейтенанту, – этот выродок ещё здесь? Поговорить с ним можно?

– Нельзя, конечно, но тебе, ты ж знаешь, можно, конечно, – запутался вдруг в словах полицейский и, чтобы не усугублять ситуацию, сказал, где можно найти педофила, – он на кухне сидит, со следаком из комитета базарит.

Пройдя по темному коридору, миновав открытые зачем-то двери туалета и ванной, Ведов с Рублёвым оказались на кухне. За типовым складным столом сидели двое. Кто из них следователь, а кто преступник – сразу было не понять. Оба молодые, оба в очках, оба аккуратно причёсанные – видно, что уход за собой для них не последнее дело. Оба атлетически сложены – прямо два красавца. Следователя выдавало лишь то, что он сидел за столом в ботинках. Тот, кого обвиняли в педофилии – парень лет двадцати – первым спросил у вошедших журналистов: «А вам чего?». В его маленьких, но ярко-зелёных глазах, сверкнула растерянность. В этот момент Рублёв почему-то подумал, что его нос и нос педофила очень похожи, будто сделаны из одного теста: аккуратные, прямые, удачно вылепленные природой, что бывает редко. Обычно природа на носах мужчин отрывается. За раздумьями о мужских носах Рублёв не заметил, как начался разговор между Ведовым и следаком.

– Он про «RASSOLNIK'ов» что-нибудь рассказывает?

– Пока не дошли до этого.

– Пару вопросов задам ему?

– Валяй, я пока перекурю.

Ведов так вцепился взглядом в педофила, что тот аж вздрогнул.

Рублёв заметил, что и следователю, наблюдавшему за происходящим через дым продолговатой сигареты, стало не по себе.

– Ты понимаешь, урод, что наделал? – начал Ведов.

Теперь смутился и Рублёв. Он, как журналист, обычно задавал педофилам другие вопросы.

– Ты, пидор, помнишь, что бывает с такими, как ты, в наших колониях? Ты, сука, понимаешь, что тебе теперь придётся выдать и всю вашу шайку? – по мере того, как Александр сыпал угрозами, следователь всё шире улыбался: то ли себя узнавал в манере разговора, то ли радовался тому, что на подозреваемого оказывается дополнительное психологическое давление.

Педофил не ответил ни на один вопрос, он только кивал головой, не отводя при этом глаз от журналиста Ведова. Александр зачем-то начал водить пальцами вокруг своего рта, приговаривая: «Вот пидор ходячий, вот пидор!». Педофил вдруг оживился, перестал кивать и хорошо поставленным голосом проартикулировал: «Я всё понял, не тупой».

– Что ты понял? – вмешался в разговор следователь, докуривший сигарету и бросивший окурок на пол, предварительно потушив его прямо об стол, – ты поймёшь, когда на зону попадёшь, а пока рассказывай.

Слушать рассказ журналисты не стали, Ведов предложил другу уйти отсюда, мол, и так всё ясно. И хотя Рублёву было неясно, спорить с Александром он не стал – за окном уже брезжил рассвет. И с дороги очень хотелось спать.

– Поехали спать? – будто угадав желание друга, предложил Ведов, – тебя куда отвезти? Можно ко мне.

– Да нет, я к себе, с квартирантами договорился, они съехали на время.

У Рублёва в городе была своя квартира, которую успели купить ещё его родители, незадолго до того, как их по очереди съела самая распространенная болезнь промышленной провинции – онкология. Он эту квартиру не продавал, не в память, конечно, о маме с папой, нет! Он оставлял ее на всякий случай – вдруг придётся вернуться.

Друзья вышли из подъезда многоэтажки и через пару минут снова затряслись в машине – поехали к Рублеву.

Дом Александра находился в обычном спальном районе. Таких домов в этом городе – десятки.

Запорожец проезжал освещенные рассветом до боли знакомые места: школу, в которой учился Александр, детскую площадку, футбольное поле, деревья, кусты, в которых, казалось, ещё вчера строили шалаши, заброшенные дома, в которых играли в войнушку, любимый двор, где произошло столько событий его детства. Когда проезжали все это, Саша чувствовал щемящую боль в сердце.

– Да, возвращение на родину всегда вредно для здоровья, – пошутил вслух Рублёв, увидев, наконец, подъезд своего дома. Как ни странно, это были первые слова, произнесенные им за весь путь от дома педофила. Ведов тоже всю дорогу молчал, хотя ему было о чем поговорить с другом. Но он понимал – не сейчас.

«Запорожец» подкатил практически к самому подъезду, так что можно было выйти из машины, не наступая на асфальт, Рублёв так и сделал – шагнул сразу на бетон крыльца. Ведов тоже вышел, достав багажную сумку Александра.

– Не приглашаю, извини, – Александр взял из правой руки друга сумку и тут же пожал её крепко, с благодарностью, – сам не знаю, как там всё выглядит, да и устал.

– Да о чём ты говоришь, Сань? Я всё понимаю! Давай, до завтра! – и Ведов с улыбкой вернулся в «запорожец».

Рублёв решил проводить взглядом отъезжающую машину, но даже когда жёлтый «запорожец» скрылся в тумане, Рублёв ещё долго не заходил в подъезд, глядя в темную даль. Он вдруг поймал себя на мысли, что только сейчас вспомнил, что рассказывал ему о Ведове его хороший знакомый и информатор из ФСБ.

В квартире Рублёва царил порядок – квартиранты оказались аккуратными. Мебели минимум – диван, стол журнальный, стол компьютерный и кресло-качалка. Всё это как нельзя лучше вписывалось в небольшую по размерам комнату с сероватыми обоями. Съёмщики забыли выключить настольную лампу и закрыть форточку, но и он не стал этого делать, сил хватило только на то, чтобы дойти до дивана. Сон захватил с такой жадой, что доносившийся шум просыпающейся улицы показался Александру колыбельной.

II

Кто такие RASSOLNIKI, Рублев знал только из СМИ. Но средства массовой информации рассказывали о них довольно скудно. И все одинаково. Рассказывали, что это мощная группировка, которая нападает на тех, кого считает гопотой, но кого они считают гопотой – неизвестно, так как никому ещё не удавалось взять интервью у RASSOLNIK'ов. Известно только, что свои нападения они называют «зачистками», и на их счету уже есть трупы. Однако в полиции эту информацию не подтверждают. Вообще зацепиться глазу журналиста-расследователя в этих публикациях было не за что.

Перед тем как отправиться в командировку, Рублёв позвонил своему знакомому из ФСБ.

Тот, на удивление, с радостью откликнулся на просьбу достать всю возможную информацию по интересующей теме. Журналистов, если они занимаются действительно журналистикой, уважают даже в серьёзных организациях, поэтому у многих хороших журналистов там есть хорошие знакомые.

Встретились за пару часов до вылета Александра в одном из многочисленных японских ресторанчиков аэропорта.

ФСБ-шник был не похож на сотрудника. Совсем не похож. Если бы Рублев встретил его где-нибудь на улице или даже в этом же ресторане, то, наверное, подумал бы, что этот человек большую часть своей жизни провёл за решёткой. Таких людей обычно называют «уголовниками» или даже «бичами». Короткие серые волосы, густая щетина, провалившиеся глаза, окаймлённые мешками и рябоватая «крокодиловая» кожа на щеках.

«Да, потрепала его жизнь, интересно узнать – где?» – мучился в раздумьях Рублёв, пока его собеседник клал в рот кусочки ролла, предварительно разрезанного им на четыре части.

О RASSOLNIKах речь все никак не заходила. Собеседник расспрашивал журналиста о целях предстоящей командировки, о том, какую задачу перед ним поставила редакция, отправляя в «эту дыру, из которой уже на всю страну разит», и готов ли он сам отвечать за свою безопасность в этой «горячей точке».

Допрос порядком надоел Рублёву, и он решил сам начать спрашивать. Единственный верный способ это сделать – перебить человека и задать внезапный вопрос.

– А что, у вас руки короткие, чтобы приструнить эту группировку? – забросил он первую удочку. А пока собеседник растерян, нужно задать следующий вопрос – более точный и мягкий.

– И кто вообще все эти люди, RASSOLNIKI?

– Идиоты они, – сотрудник службы безопасности проглотил очередную четверть ролла, – по нашим данным это парни лет двадцати-тридцати, у многих есть вышка, семья, работа, ну всё, как у людей. Однако пару раз в неделю они развлекаются тем, что фашиствуют. Только уничтожить пытаются людей того же цвета кожи, то есть не скинхеды они, понятно?

Все журналисты знают, что люди, которые часто пишут отчёты, суть дела лаконично изложить не могут, так что их надо «разогреть», заставить выговориться, чтобы слова начали соответствовать мыслям, поэтому Александр на вопрос сотрудника ФСБ – понятно ли он излагает, – честно ответил, что непонятно.

– Да нам и самим мало что понятно, если честно, – неожиданно признался собеседник, – есть только факты. Вот уже год каждую пятницу и субботу, когда все гуляют и бухают, там происходят нападения на молодых людей, скажем так, с рабочих окраин, которые живут по понятиям. Блатные, наркоманы, спившиеся пэтэушники, завсегдатаи дешёвых клубов и игровых залов, ну... – сотрудник занервничал, подбирая очередные характеристики, – ну, гопники, короче.

«Уголовник» в штатском запил свои слова апельсиновым соком, после чего облизал верхнюю губу, отчего Александру стало противно, как будто тот прошёлся языком по таракану.

– Гопников поджидают у клубов или ловят их по подъездам, и дубасят, так чётко дубасят, что многие потом в больнички попадают. Первое время думали, что это какие-то местные разборки, но потом всё больше стало походить на реальные зачистки. Так в начале нулевых бритые зачищали хачиков, помнишь?

– Да, но здесь ведь речь идёт о русских?

– Да, русские херачат русских, вот поэтому-то наши быстро заинтересовались этим. Все жертвы сначала говорили, что понятия не имеют, кто и за что на них нападает, мол, есть какие-то отморозки и всё, причём довольно крепкие отморозки и все в дорогой одежде, – следующий ролл бэшника упал в тарелочку с соусом и васаби, а журналист решил заполнить паузу своим дополнением.

– Но ведь сейчас в городе, насколько мне известно, все понимают, что это бригады, которые нападают именно на гопников? То есть избить гопника – это цель...

– Сейчас, спустя год, да, понимают, – собеседник ещё дожевывал рис с начинкой, – причём сначала сами гопники стали рассказывать, что те, кто нападал, говорили им: суки, бросайте бухло, заводите семьи, становитесь людьми и прочую муть, прикинь? А потом, когда по городу уже только об этих бойнях и говорили, хотя как бойнях? Гопников всегда втаптывали. Так что эта скорее налёты, разгоны серости, если хочешь, – тут сотрудник федеральной службы внимательно взглянул на Рублёва, как бы пытаясь понять, оценит тот его образность или нет. Александр даже не моргнул. – Так вот, когда весь город зашумел, а пацаны местные тоже стали вбиваться в банды – надо ведь отпор налётчикам давать, на местных форумах стали появляться посты, рассказывающие о том, кто и зачем долбит гопников.

– Что-то я на местных сайтах ничего такого не видел, – заметил Рублёв.

– Правильно, наши эти посты убирают, когда могут, зачем порождать массовую истерию? – «уголовник» ухмыльнулся, – вот тогда-то они и стали называть себя «RASSOLNIKI». И стали писать, что они за здоровых в моральном плане людей, и что упыри, для которых алкоголь, гулянки, девки, отработки и так далее – это смысл жизни, будут ими методично перевоспитываться, а дальше те, кто не перевоспитается, будут уничтожаться. Типа новой России не нужна топота, а нужны только правильные люди. Лозунг у них знаешь какой? «Мы очистим свой род от вырождков!» Как-то так, по-моему, они писали. Вот тут мы и поняли, что на этой волне мы можем таких неприятностей получить, такой, как сейчас говорят, социальный взрыв, что охереют все. Уловил?

Собеседник говорил всё лучше и лучше, но вот только новой информации для Рублёва почти не было, а посадку вот-вот объявят.

«Почему же он не говорит ничего конкретного? – пытался понять Александр, – то ли сам ничего не знает, то ли намеренно не договаривает, тогда зачем согласился встретиться?».

– И ведь не понятно, кто они такие: не националисты, не шовинисты, не фашисты, не больные на голову, никаких отличительных знаков не носят, – продолжал рассказывать сотрудник, – допросить некого, так как поймать пока, увы, никого не удалось. Засады наши и ментов все в ноль: город всё-таки полумиллионник – где они окажутся в следующий раз, никто не знает.

– И никого не удалось даже задержать? – не поверил рассказчику Рублёв.

– Гм, задержать! – снова ухмыльнулся собеседник, – на основании чего?

Или ты думаешь, пацаны с районов пишут заявы?

Этот вопрос не требовал ответа. Возникла пауза, ФСБшник посмотрел на тарелку, на которой лежал последний, ещё не разрезанный ролл, и потянулся за ножом.

– Нет, конечно, мы вычислили, кто всё это замутил, – разрезая ролл, гордо заявил фэйс. На этот раз паузы не могло возникнуть.

– И Вы мне, конечно, не скажете, – хитро констатировал Рублёв.

– Отчего же? Скажу! Зря пришёл тебя провожать, что ли? – Ролл уже был разрезан. – Это твой друг и коллега. Александр Васильевич Ведов. Знаешь ведь такого?

Эту новость Рублёв принял так, как принял бы новость о том, что на Красной площади высадились десантники Грузии. Совсем не вовремя объявили посадку. Сотрудник резко встал из-за стола и жестом руки предложил тоже сделать Рублёву.

– Этот Ведов, он вообще красавец парень, – заявил вдруг информатор, когда они шли к паспортному контролю, – этот твой друг всё чётко организовал, взял к себе кого надо, из них никто никогда просто так не расколется. Я тебе так скажу, между нами, если бы он не был преступником, он бы уже давно у нас работал. Таких умников сейчас мало.

Ах, вот зачем он его хвалит, догадался журналист и, проглотив наконец ком, который застрял в горле после столь неожиданного известия, спросил хриплым голосом:

– Так он с вами работает?

– Не то чтобы работает, но в кабинеты заходит часто! – в голосе сотрудника снова прозвучала гордость. Он даже вдруг приобнял Александра, мол, всё ты парень правильно понимаешь, мы всё можем, да, мы такие! Но ноты тщеславия играли недолго, на полпути к терминалу информатор резко убрал руку с плеч Рублёва.

– Ну ладно, давай, счастливенько, созвонимся! – попрощался дежурными фразами и зашагал в сторону эскалатора.

Рублёв остался в одиночестве перерабатывать всё, что узнал. Все процедуры, необходимые для посадки, он проходил на автопилоте, руки делали, а голова была забита бесконечным множеством открытых вопросов, правда, у всех у них был общий знаменатель, и он формулировался у Рублёва предельно ясно: на каких дрожжах выросла эта группировка? И как так получилось, что именно его лучший университетский друг оказался напрямую замешан в этой истории? Все надежды выспаться в самолёте рухнули, Александр был не из тех, кто оставлял мысли на потом. Его главная черта – он много думал, порой его аналитике поддавались даже бытовые мелочи, RASSOLNIKI же были рыбой крупной и перед тем, как изучить её от головы до хвоста, требовался уход в историю, в контекст.

В любой другой ситуации контекст бы Рублёв стал изучать с помощью Интернета или тех материалов, которые уже рассказывали о событии, но в данном случае Александру никакие источники информации не требовались, ведь всё происходило в его родном городе. RASSOLNIKI родились там же, где на свет появился он.

* * *

Взглянув из иллюминатора на солнце, соприкоснувшись с его лучами ресницами, Рублёв закрыл глаза, дождался пока жёлтые пятна разъест темнота и уже на тёмном полотне начал рисовать портрет своего родного города.

Первыми, пробираясь сквозь темноту, зажглись огни доменных печей – город окружали заводы, а в самом его центре высился огромный металлургический комбинат, построенный ещё в тридцатые годы прошлого века. На строительство тогда приехал весь цвет СССР: рабочие, крестьяне; люди часто без образования и без мировоззрения, люди, которым внушили, что от их самозабвенного труда зависит будущее целой страны и целого мира. И вот они, бедняги, работали по-чёрному, сначала на возведении завода, а затем и на обработке того, что добывалось на рудниках и шахтах, которыми город тоже усеян. Эти строители и первые рабочие жили по заводским коллективным правилам, по рабочим понятиям и по одному графику: в семь утра подъём, затем двенадцатичасовой рабочий день, короткий вечер, иногда украшенный походом в кино или в клуб. А может быть и футбольным матчем с участием заводской

сборной, а потом снова сон. Сладкий сон под радиоприемник, из которого то и дело твердили, что советские рабочие живут лучше всех в мире.

Александр вспоминал бабушек и дедушек, проработавших на заводе всю свою жизнь. Ох, с каким же восхищением они говорили про годы своей молодости! Они верили, что трудились на самую лучшую страну, на идеалы человечества и ради будущего этого человечества. Они и правда думали, что если человек не работал на заводе, значит он не человек, не житель, не полноценный гражданин-товарищ великой державы (сегодня большинство заводчан продолжают думать так же!). Сколько пафоса и пошлости было в словах бабушки и дедушки! И с каким остервенением они спорили с теми, кто пытался их переубедить! Они никогда не были готовы признать свою неправоту. На противника по дебатам бывшие рабочие и те, кто работает сейчас, всегда готовы обрушиться не только крепким словом, но и кулаками. Такого уж их воспитание, представление о культуре. Но стоит ли их в этом винить? Их называли пролетариатом, их учили и воспитывали представители сброда, пришедшего к власти политической и нравственной в 1917 году. А то, что это был сброд – безграмотный, наглый, жестокий, ненавидящий всех вокруг – доказывать не надо. Достаточно вспомнить, сколько крови они пролили по пути к своим целям, крови соотечественников, виновных лишь в том, что они думали и жили иначе, чем советская власть.

На чёрной пелене воспоминаний Рублёва появились деревянные одноэтажные бараки – это в них жили среди вшей и крыс первые рабочие. Бараки на ленинградский лад называли городскими общежитиями пролетариата. Сокращенно ГОП. А их обитателей называли гопниками – вот отсюда и пошло это слово. Александр знал, что называть гопниками местных рабочих было не совсем правильно: эти гопники отличались от ленинградских. Вот те уж действительно были гопотой, в смысле – быдлом. Шпана, воришки, блатные – их специально привозили на столичные фабрики и заводы для перевоспитания. Этаким пролетарский штрафбат. Многие действительно перевоспитались и вышли в люди, в люди по советским меркам, конечно. Но в Ленинграде на заводах, продолжал размышлять Рублёв, не щадили живота своего выходцы из бывшей интеллигенции, принявшей революцию как должное. И эти интеллигенты за станками разбавляли топоту и работяг из крестьян. В родном же городе Александра интеллигенции не было никогда. Так что слой советских рабочих, прорвавшихся из грязи в князи, здесь, как и по всей стране, безоговорочно считался сливками общества. Без этих людей было просто невозможно представить себе город.

Как невозможно представить его и без тюремных колоний, которые здесь, как и заводы, на каждом шагу. На чёрном фоне воображения Рублёва появились вышки дежурных и заборы – колючие картинки из детства. Большинство местных зон – строгого режима. Здесь содержатся и воры, и насильники, и убийцы. Когда они выходят на свободу, то, недолго думая, остаются в городе своей отсидки. И город вынужден их принимать – долг, который исправительная система Советского Союза неизвестно за какие грехи на него повесила. Эти колонии, вернее их обитатели, уже в генотипе местности. Взять хотя бы «феню». На этом языке здесь говорят большинство жителей. Александр, например, многие слова из тезауруса колонии знал прекрасно уже к пятому классу. А как люди говорят, так они и живут. И поэтому для многих на родине Рублёва не считается зазорным, например, ежедневная пьянка, регулярное избивание жены, драка под занавес посиделок в кабаке, да и мелкий грабёж воспринимается как небольшое баловство.

Заводы и колонии отразились не только на архитектуре города – дома строились вокруг них, но и на архитектуре горожан – их мировоззрение, их воспитание, их безропотность, их ненависть друг к другу. Не от этого ли сам Рублев сбежал в своё время в столицу? От этого! От дозволенного криминала, от пошлости, от быдла, от свалок в центре города, от хамства в магазинах и в трамваях, от тотального пофигизма. Нет, Александр не винил в этом горожан, причину он пытался найти в истории, в традициях, в ошибках системы. И чем больше он

сам перед собой защищал земляков, тем больше понимал, что не такие уж они и невинные, шансы на жизнь есть и у них. Ведь взялись же откуда-то эти RASSOLNIKI! Тот же его друг Александр Ведов! Тоже, между прочим, из династии рабочих. Ведь он смог пойти по другой дороге, поступил в вуз, был блестящим студентом, активистом, он не побоялся объявить войну топоте. Рублёв понимал, что Ведов боролся не с гопотой в физическом обличии, он боролся с тем нравственным городским скелетом города, кости которого были омерзительны до тошноты.

От этих мыслей Рублёв открыл глаза и вздрогнул, он испугался. По его логике получалось, что Ведов герой. А это, конечно, не так. Но откуда взялось в нём это желание бороться именно таким способом? И откуда взялись его сторонники? А может быть, всё проще, может быть, здесь всё дело в корысти, может быть, они выполняют чей-то заказ? Боже, опять вопросы. Александр от бессилия взглянул в иллюминатор, как бы ища сочувствия у хозяина облаков, но даже ангелы не появились и не подмигнули ему, не пообещав, что все хорошо будет, и что со временем он все поймет.

Объявили снижение, самолёт нёс Рублёва на встречу с Родиной, но если бы знал Александр, чем обернётся его приезд для родного города, он бы наверняка упросил пилотов не приземляться.

Самолёт коснулся земли, раздались аплодисменты, пассажиры неохотно потянулись к наручным часам и телефонам – им предстояло занять у времени по два часа.

III

Колыбельная улицы сменилась тяжёлым роком. Рычание машин, ворчание ворон, рёв детей, крики утренних домохозяек, стук закрывающихся дверей. Но Александр продолжал видеть сон. Ему не часто что-нибудь снилось. Может быть потому, что даже когда Александр спал, он продолжал думать. Дело дошло до того, что он даже во сне задумывался о том, почему ему снится именно это, какими мыслями или событиями прошедшего дня можно объяснить то кино, часто немое, которое видел Рублев, когда засыпал.

Вот и в эту первую ночь, проведённую в городе своего детства и студенчества, спустя несколько лет после отъезда, ему снилось что-то странное, невероятное, эпическое, но вполне объяснимое.

Александр видел себя на высоченном круглом пьедестале. Он стоял на широкой бетонной площадке рядом с огромными железным серпом и молотом – символами Советского Союза. Сквозь сон Александр предположил, что это был какой-то памятник «красной» эпохи и подумал, что ничего подобного он никогда не видел. Серп и молот горели предзакатными красками, так ярко горели, что Александр зажмурился, отвернулся от этих гигантских орудий крестьян и пролетариев, взглянул на горизонт и вдруг застонал. Горизонт тоже горел винным закатом, на фоне которого вокруг Рублёва полыхали факелы доменных печей. И было жарко, невыносимо жарко. Продолжая стонать, Александр снял рубаху, ботинки, закатал джинсы – теперь он походил на типичного сталевара или на кузнеца из советского черно-белого кино. Оставалось только самому взять в руки молот и начать перековывать статую, уже нагретую до нужной температуры. Будто в поисках молота Рублев начал пристальнее вглядываться в горизонт и вокруг себя. К стонам прибавились слёзы – Александр увидел, что он возвышается над своим родным городом: вдалеке уже почти потонули в огненной лаве конструкции старых металлургических заводов. А вот и трубы заводов новых – как всегда клубят дым всех оттенков радуги. Сейчас как никогда изящно смотрелись жёлтые и чёрные столбы-вулканы. Дым, как огненная лава, стремился в сторону серпа и молота, словно стремясь скрыть их от города. Александр задыхался, глаза слезились, он уже не мог видеть пейзажей родного города. Последнее, что Александр заметил на раскинувшейся перед ним панораме настоящего ада – это купол городской церкви, посылающий ему вспышки не то надежды, не то отчаяния.

Рублёв ревел и стонал все яростнее. Он по-прежнему отдавал себе отчёт в том, что всё это не более чем сон и что спящее тело – это не то тело, которое вот-вот сгорит на пьедестале. Что по-настоящему испугало думающего во сне Александра – так это то, что он вдруг осознал, что смотрит на себя как бы сверху. Он видит себя и спящего, и того себя, который там – среди заводов и огня, словно его глаза были над его же телами, будто есть кто-то второй или даже третий, кто забрал у него зрение, а вместе с ним и рассудок. «Неужели прозрела душа?» – попытался пошутить Рублёв во сне, но вместо смеха он снова услышал стоны одинокого кузнеца, который метался по бетону рядом с лопающимися железными уродцами – серпом и молотом. Но вот этот кузнец, которым был Александр, остановился и поднял что-то тяжёлое. В следующую секунду тот, кто похитил зрение у Рублева, увидел в его руках ещё один молот. Он был меньше, чем тот, что сверкал на постаменте, но тоже чугунный.

Кузнец тут же бросился с ним на эту пролетарскую скульптуру и начал долбить по ней изо всех своих сил. Почему-то он был уверен, что чем сильнее бить – тем дальше от платформы будет утекать горящая сталь и едкий дым. Так оно и выходило.

Он бил по раскалённому железу, и он то прогибалось под кувалдой, то морщинилось, то стекало ему под ноги.

Удар. И шум, способный оставить без стёкол полгорода, несётся навстречу ночным тучам. Удар. Из-под молота посыпались искры, как драгоценные камни из-под серебряного

копытца. Удар. Серп и молот, в очередной раз погнувшись, будто сморщились, зашипели, скинув с себя очередные литры жидкой стали. Человек бился с гигантской эпохой не до первой, а до последней крови. В этой схватке железа и человека должен был победить только один. Скульптура продолжала трещать и трескаться, теперь уже стонала она, а не Александр. А он вдруг услышал свой хохот. Бесноватый, мерзкий, от которого даже спящего Рублева бросило в дрожь...

Ещё удар. Совсем скрючившейся кусок железа треснул у основания и грузно повалился на запыхавшегося, глотающего губами горячий воздух, кузнеца. Александр быстро выпрямился, широко взмахнул над своей головой молотом и обрушил его на остаток статуи. То, что осталось от гигантских серпа и молота, теннисным мячом ударило о край пьедестала и отлетело в кипящий воск металлургических свечей.

Закат потух вместе с факелами печей. Теперь на широком и высоком бетоне стоял один только Александр. А вокруг дул свежий прохладный ветер. Налетала ночь и становилось совсем холодно. Рублёв попытался нащупать одеяло, но тщетно. Всё говорило о том, что этот сон заканчивался, а другого уже не будет. С добрым утром!

Проснулся Александр ровно в полдень, вдохнув из окна морозный воздух. Город засыпало за ночь первым снегом. Стало хорошо, как в детстве, как будто умылся этим снегом. Однако надо было решать текущие дела. Александр достал из чемодана ноутбук и вышел в Интернет. Рублёву во что бы то ни стало захотелось найти жестоко разрушенный им во сне памятник. Он почему-то был уверен в его существовании. Но Интернет не вырубил. Все поисковые системы ничего похожего не выдавали.

Неизвестно, сколько бы ещё он просидел за ноутбуком в поисках декораций сегодняшнего сна, если бы не позвонил Ведов.

– Позавтракал? – почему-то первым делом спросил тот.

– Нет ещё, – ответил Рублёв.

– Тогда собирайся, я за тобой через пять минут заеду, – тоном старого друга предупредил Ведов, – и фотоаппарат возьми, у нас сегодня показательные выступления намечаются!

Ведов привёз товарища в кафе на краю металлургического района. Здесь заканчивались все трамвайные линии, а жилых домов почти не было. Напротив кафе, через дорогу, располагался рынок, огороженный длинным прогнившим деревянным забором.

– Ну и местечко! Ты решил меня провести по главным достопримечательностям города? – с издёвкой в голосе спросил Александр товарища.

Ведов взглянул на него из-под своих бровей, которых, кстати, было почти не видно, взглянул хитро, как будто он всё знал и сейчас раздумывал – рассказать всё сразу или потом. Решил, что сразу.

– Это место у нас зовётся гоповским рассадником, здесь чаёвничают только правильные пацаны, у них это – элитный кабак. Здесь же торгуют наркотой и девками.

– А мы тут причём? – всё ещё ничего не понимал Рублёв.

– А мы посидим, покушаем, а потом посмотрим. Посмотрим, как этот пятизвёздочный гоповской ресторан будут рушить RASSOLNIKI. Ты же из-за них сюда приехал!

А это означало, что у Рублева будет эксклюзив. Он не стал спрашивать у Ведова, откуда у того информация о налёте. Он и без него знал ответ, а вот Ведов явно ждал этого вопроса и даже смутился, когда Рублёв похлопал его по плечу со словами: «Показывай, как едят пацаны!».

Пацаны ели роскошно: дорогие посуда и мебель, стены, отделанные мрамором, с фотографиями старого города, вежливые официантки в юбках до колена, как старшеклассницы на экзаменах. Всё впечатление от кафе портили сами пацаны. Почти все бритые, с дурацкой ухмылкой «всезнающих мудрецов» и тупым взглядом, отчего ухмылка и делалась дурацкой. А так же манера разговаривать громко, раздирая глотки, разговаривать матом, причём небо-

гатым. Боже! Рублеву категорически не понравились ребята за соседними столиками. Он даже разозлился на Ведова, захотел рассказать ему, что все знает о нем, но тут вспомнил про предстоящий налёт и промолчал, отложив разоблачение друга на потом.

Пообедав, друзья сели в «запорожец» Ведова и отъехали от кафе. Но недалеко. Припарковались на обочине так, чтобы хорошо просматривался вход в заведение.

– Ждём-с! – выпалил по-гоповски громко Ведов.

Рублев открыл боковое стекло и стал прислушиваться. Когда город покрывает первый снег, горожане сбавляют ход. Начинают осторожно ступать на белый покров, слушая при этом, как снег хрустит под подошвами. Первый снег звучит по-особенному. Как будто ребёнок кусает сочное яблоко. Хрруп – такая мягкая нежная нота, хруп-хруп – музыка! И никаких слов прохожих, никаких гудков машин. Нет, они, конечно, никуда не деваются, но если слушать только музыку снега, то все другие звуки исчезают. Александр еще с детства знал об этом, но как же давно он не слышал эту музыку! Ведь у каждого первого снега, будь то московский снег, парижский или любой другой, свой ритм. В мегаполисе этот ритм динамичный, в маленьких городах – более плавный.

Однако снежная мелодия вокруг него была очень ритмичной, громкой, и совсем неблагозвучной. А скорее вместо музыки стал слышаться тотальный хруст. Оглядевшись, Рублёв понял, в чём дело. Десятки парней стекались к кафе с разных сторон, они шли быстро и уверенно, но не в такт. Откуда они взялись – было непонятно, как будто из воздуха. Толпа окружила гоповский ресторан. И тут началось.

Посыпались стёкла. Сразу и все. Толпа, а к этому моменту собралось уже человек пятьдесят парней, заревела, скандируя: «Го-по-та, со-са-ть!», «Го-по-та, со-са-ть!».

Через пару секунд все пятьдесят человек ринулись в кафе и вскоре вернулись обратно: они тащили за уши, за воротники, за ноги посетителей кафе. Некоторые пытались отбиваться, махали руками, как крыльями, но не все. У Рублева создалось такое ощущение, что гопники смирились с побоями. Резкие смачные удары, заглушая хруст снега, прилетали пацанам с разных сторон: в лицо, в голову, в пах, по ногам и рукам. Пацаны ревели, клялись порвать всех на куски, но сопротивлялись вяло.

– Вот, бычары, – ухмылялся Ведов, имея ввиду, конечно, не RASSOLNIK'ов. Рублёв в это время выбежал из запорожца на улицу и щёлкал фотоаппаратом.

RASSOLNIKI были в ударе. Их жертвы давно уже распластались на земле. Но нападавшие не успокаивались: кто-то прыгал по этим головам, кто-то шумел внутри кафе, разбивая всё, что попадалось на пути. Из окна летела посуда, вазы с цветами и даже небольшие аквариумы.

– Рыбок за что?! – недовольно пробубнил Ведов и пару раз ударил по клаксону, как бы предупреждая, что он за всем наблюдает и обязательно накажет провинившихся.

Рублёв, который тоже вошёл во вкус и только успевал тискать свою зеркалку, на мгновение застыл, не понимая, что изменилось, почему снова снег захрустел не по нотам? Это толпа RASSOLNIK'ов отчего-то решила поменять объект атаки и направилась в сторону рынка, оставив захлёбываться кровью корчившихся от боли и унижения пацанов.

Ведов, казалось, был не готов к такому повороту, он даже вышел из машины, перебежал дорогу, но в сторону рынка за своим отрядом не пошёл, вернулся, сказав Александру, а, может быть, даже больше себе: «Кстати, на рынке хачи уже давно продают только палёную водку и героин, так что пускай тоже страха хлебнут!».

Рублёв на рынок не пошёл, что успел зацепить – то снял. Пробитая голова шашлычника. Опрокинутые палатка и стеллаж с очками. Всё остальное скрыл забор. Но, судя по тому, какой крик стоял за забором, ничего хорошего там не происходило. Улица между разбитым кафе и рынком тоже вдруг завопила, стоящие неподалёку машины, словно по команде, разразились дребезжащей сигнализацией, бабки, торгующие семечками и вязаными носками, запричитали,

прохожие – те, кто помоложе – завизжали, мужики засвистели. «Странные люди, – подумал Рублёв, – когда мутузили парней на их глазах, они молчали, сейчас, когда ничего не видят – орут».

Где-то за два квартала от побоища воздух прорезала сирена. К ней присоединились ещё две. И вот уже из-за угла вырулило несколько полицейских машин.

– Херня! Не успеют, – успокоил себя вслух Ведов, – у чурок уже все разгромили, парни, как метеоры, хули!

Рублёв понял, что сейчас Ведов забыл про него, но не это его удивило, а та интонация, те выражения, которыми заговаривал его друг. От уравновешенного интеллигентного человека не осталось и следа. Сейчас он был похож скорее на тех, кого только что положили RASSOLNIKI. Невероятное перевоплощение, как в студенческом театре, где они оба когда-то играли.

Ведов тронулся, а Рублёв всё продолжал думать. Сегодняшний спектакль по закону жанра должен завершиться разоблачением, решил он вначале, но потом подумал, что оно того не стоит, и что этим он ничего не добьётся. Но тут ещё один голос внутри него высказал свое мнение: «Надо, Александр, надо, не знаю зачем, зрители ждут!». «Но как сказать ему, что я всё знаю? – продолжал переговариваться сам с собой журналист, – не с ровного же места начать?».

– Слушай, Рублёв, – перебил его мысли Ведов и включил дворники. На жёлтый «запорожец» падал довольно крупный снег.

– А ты что всю дорогу молчишь? Вчера я понимаю, а сегодня? А? В шпионы заделался? – будто даже с наездом спросил он.

– Да на тебя, Саш, и без меня шпионов хватает! – почему-то разозлился Рублев.

Ведов реплику мимо ушей не пропустил:

– Ты это о чём?

Злость полностью овладела Рублевым:

– Саня, хватит выёживаться на хер, я же знаю, кто ты, сука, и чем занимаешься, – Рублёв аж оторопел от своих слов, неужели он тоже стал говорить как пробитый гопник?

– Что ты знаешь, Сань? – Ведов был мягок и ласков, как котёнок.

– Да ладно тебе, я знаю, что RASSOLNIKI – это твоя тема, ты их создал, ты их лидер.

Тут, конечно, возникла ожидаемая Рублёвым пауза, в таких случаях говорят – повисла. Однако Ведов не ударил резко по тормозам, не стал отнекиваться от обвинений и крутить пальцем у виска. Он продолжал ехать сквозь снег. Прошло секунд десять. Ведов первым нарушил молчание:

– От фэйсов информация?

– От них, – не стал отнекиваться Рублев. Оба выдохнули с облегчением.

– Отлично, а я всё думал, как тебе рассказать, – повеселел Ведов.

– И я думал, – повторил за Ведовым Рублев и добавил:

– Все, с тебя эксклюзивное интервью!

– Базара нет, – сухо ответил Ведов.

...Расстались они снова у дома Рублёва, только сегодня не попрощались, жёлтый «запорожец» как-то нервно скрылся в белой кутерьме.

А снег, между тем, падал как остервенелый. Будто на снежном складе рая пробило дно.

IV

– Пишем! – прохрипел голос звукорежиссера, спрятанного за стеклом монтажной.

В студии городского телевидения началась запись криминальных новостей. Первый сюжет – о вчерашнем налёте RASSOLNIK'ов на рынок и кафе. Ведущий читал сообщение хорошо поставленным, ровным голосом, как будто и не подводку вовсе зачитывал, а некролог. Причём некролог, посвящённый уходу никем нелюбимого человека. Нельзя, чтобы зрители уловили какую-либо оценку, хотя это очень трудно. Но за годы работы на телевидении ведущий самой рейтинговой в городе передачи, Александр Ведов научился даже анекдоты рассказывать сухо, без эмоций, без ямочек на щеках.

Зачитывая закадровый текст, который обычно сопровождает видео, Александр внимательно смотрел на экран. Он следил, не промелькнёт ли там крупный план, по которому можно было вычислить кого-нибудь из нападавших. Смотрел на всякий случай, для успокоения, ведь монтаж этого материала он проконтролировал лично. Да и не могло быть там крупных планов. За подготовку видео для СМИ отвечала специальная группа из «Отдела по про» – так между собой RASSOLNIKI называли ребят, которым была поручена работа с прессой. Для самих журналистов они были просто «очевидцами».

В сегодняшнем эфире помимо новости о потасовках, учинённых RASSOLNIKaMH в общественных местах, была новость об очередных взятых с поличным наркобарыгах, о суде над убийцей родителей, о фальшивомонетчиках, о серийном грабителе по фамилии Медведев, забавные кадры с камер торгового центра, застукавших воришку-неудачника. Под занавес выпуска пришло срочное сообщение из следственного комитета: «Задержанный на днях педофил выбросился из окна следственного изолятора».

И снова уверенный, эмоционально неокрашенный голос. Хотя для самого Ведова сообщение о выбросившемся насильнике стало новостью. Однако он совершенно не переживал по этому поводу. И без этого было о чём подумать. Рублёв со вчерашнего вечера не выходил из головы.

– Титры! – весело пробубнил простывший звукарь. Его голос эхом разнесся по большой загромождённой реквизитом студии. Ведущий отцепил от рубашки радиомикрофон – петличку, как называют её между собой телевизионщики, пожал руку оператору и, не забегая в редакцию, не заглядывая в гримёрку, помчался на улицу. К такому поведению Ведова в телекомпании привыкли, жизнь по секундам была его визитной карточкой. Но чем он в свободное время занимался – здесь не знал никто.

В своем эпатажном автомобиле популярный телеведущий включил музыку на всю громкость и помчался по городским ухабам в сторону центральной почты. Однако ни музыка, ни отвратительные дороги не смогли отвлечь его от болезненного вопроса. Вопросы, колющего чем-то горячим и в пятки, и в сердце, и даже в зубы. Как быть с Рублёвым?

Ещё когда Рублёв позвонил ему из Москвы и сообщил, что едет, у Ведова возник как всегда гениальный план, как ему тогда показалось, использовать друга, переманить его на свою сторону, пропитать его своими идеями, показать всю полезность и необходимость существования движения. Другими словами, Ведов Рублева хотел завербовать. И не только для того, чтобы статьи журналиста общероссийского СМИ стали пропагандистскими. У Ведова перед самим собой была поставлена сверхзадача – изменить жизнь приятеля до неузнаваемости, а именно: заставить его уйти в политику. Естественно, это требовало времени, осторожного, продуманного до последних деталей общения. Поэтому на вербовку он отвел пару недель. Он даже придумал, как продлить командировку Рублёва. А тут... «И кто дёргал за язык этих фэйсов?» – подумал со злостью Ведов.

Хотя можно было предугадать, что Александр приедет подготовленный. Что начнёт наводить справки. А во всех справках и донесениях про RASSOLNIK'ов, если и есть какое-то имя, то это его имя. Почему нельзя было подумать об этом раньше? Этот вопрос, собственная глупость, рушившиеся планы на счет Рублева – все это мучило сейчас Ведова.

Мучило зверски, рождая в нем волчью злость.

Но надо было успокаиваться и соображать, что делать дальше. На самом деле вариантов теперь было два. Раскрыть все карты и попытаться Александра уговорить или... Александра убрать. Несчастный случай. Психбольница. Самоубийство. Здесь вариантов могло быть множество.

От этих мыслей потянуло блевать. Куда-то исчез воздух. Ведов открыл окно и остановился. Неужели все настолько резко может измениться?

«Нет, конечно, он меня не сдаст, во-первых, друг – сколько выпито вместе и пережито, – отгонял злые мысли водитель застывшего посреди дороги запорожца, – во-вторых, профессиональные журналисты свои источники не сдают. Но с другой стороны, с ним же делятся информацией, а значит, и с него потребуют выложить всё, что он узнал. А совесть у Рублёва, как у интеллигентной девственницы, если ему не по нутру что-то, если что-то за пределами его понимания о чести и морали, то ждите – скоро этому всему придёт конец».

«Обострённое чувство справедливости» – так было написано в университетской характеристике Рублёва. Ведов об этом качестве друга знал лучше всех.

«Конечно, не сдаст, – продолжал всверливать он в свою голову эту спасительную для обоих лексическую инъекцию, – стукачом Рублёв не был, наоборот, стукачей гнобил со всей извращённостью своего интеллекта».

Ведов, глядя на то, как ему показывают фак водители, объезжающие запорожец, вспоминал. Как-то на третьем курсе они напились портвейна в сквере за университетом. Одногруппник-ботаник это дело заметил и пообещал при случае сообщить в деканат. Ух и разошёлся тогда Рублёв!

Он орал заучке в уши что-то про братство, про скреплённые веками традиции русских студентов, про то, что стукачество – это пережиток советской России, а они совсем другие люди и отпрысков вонючей системы не уважают. Однако сокурсник все равно на что-то обиделся. Донос от анонима уже на следующий день зачитывали в аудитории. Рублев отомстил жестоко, по-студенчески: переспал с подружкой ботаника, девственницей, и сам ему об этом рассказал.

«Да и на кого бы мог стукануть Рублёв при той информации, которая есть у него сейчас? – продолжал размышлять Ведов, – на лидера RASSOLNIK'ов? Вряд ли бы ему вручили за это медаль. Скорее сжалились бы над ним и слили бы бедному журналисту пару занятых пакостей про группировку RASSOLNIKI. Куда опаснее, если Рублёв опубликует имя лидера группировки в прессе». «Запорожец» снова затрясся на колдобинах.

– Блядские дороги! – вслух выкрикнул Александр.

Не менее блядским было место, к которому подъезжал телеведущий. В предвкушении встречи с ним даже мысли о Рублёве показались не такими страшными. Это место звалось – российской почтой.

Когда Дьявол и Бог делили, что в новой стране будет принадлежать аду, а что Раю, Дьявол был неумолим. «Почта моя!» – кричал он, давась эпилепсией. «Забирай себе магазины, заводы, полицию, всё забирай! Но почта – моё! Родное!».

Говорят, он даже плакал, как плачут родители, когда теряют своих детей. Бог сжалился и велел ангелам признать почту дьявольским местом и никогда не совать туда носу.

Тем, кто хоть раз стоял в очереди на почте, ад не страшен.

Очередь на почте! Здесь можно встретить разновозрастные категории, но больше всего на почте пенсионеров. Медленных, как всегда кажется молодым, тормознутых, тупых, невоспитанных пенсионеров-эгоистов. Мало того, что все они прямо с порога идут к заветному око-

пешку, не замечая той сотни человек, что стоит перед ним, они идут, как в бой, размахивая клюками-кинжалами, распахивая всех с силой танка, наступая при этом на ноги каждого. При этом матеря или, в лучшем случае, проливая на всех ушат слюны и нечеловеческой злобы. А когда такого «хама за шестьдесят» ставят на место – в очередь, ненависть закипает ещё сильнее и выливается в жестокость. Тогда уже достаётся даже кассирам и операторам, а также всем жителям страны от мала до велика, от дворника до президента. Всей истории мира тоже достаётся, но это зависит уже от начитанности недовольного.

Кажется, что при входе на почту черти вселяются в пенсионеров и не покидают их мыслей и тел, пока те не выйдут из неё вон.

Александр помнил, как когда-то его маленького родители каждый четверг отправляли в этот ад за свежей дешёвой газетой, и он уже тогда вынужден был проходить чистилище. В последнее время он часто бывал на почте – переводил деньги родителям, как сейчас, или получал заказные книги.

Возможно, именно почта и встречи здесь с системой и людьми из СССР помогли Ведову сформулировать теорию о невозможности развития страны, пока живы подобные традиции и люди. Невоспитанные, грубые, обиженные на всех и вся, но при этом самолюбивые люди. Нужно ждать пока дьявол всех их заберет. А с их детьми и внуками, которые, соответственно, в воспитании недалеко ушли – нужно разговаривать жёстко, при необходимости руками и оружием. Чтобы знали, с кого пример брать! И в верности своих взглядов Александр убеждался каждый раз, когда переступал порог этого ненавистного учреждения. Черти вселялись и в него. Градус злобы зашкаливал. А когда, наконец, Ведов оказывался на улице, он нередко чувствовал, как из него выходит пар. Приняв холодный душ, Александр успокаивался и убеждал себя, что не все, кто родился и вырос в Советском Союзе, достойны смерти и кнута. Были и те, кто заслуживал пряника. Но чем больше он жил, тем больше понимал – «совковых» людей со знаком плюс очень мало.

Поход на почту сегодня, как всегда, затянулся. Александру пришлось опоздать на оперативку. Так он называл встречу с основой RASSOLNIK'ов.

Встречалась основа раз в неделю, каждый раз в новом месте. Это всегда были презентабельные конференц-залы или совещательные комнаты в офисах каких-нибудь компаний. Офисы на время оперативки снимались заранее и полностью.

Сегодня собрались в одном из офисов торгового центра на главном городском проспекте – просторный, безнадёжно захваченный светом зал. Овальный дубовый стол, кожаные кресла, огромный плазменный телевизор, барная стойка по правую сторону от стола и бильярдный стол по левую.

Когда Ведов забежал в зал, соратники как раз вбивали шары в лузы. Но стоило ему занять кресло во главе стола, как все немедленно расселись на свои места.

По правую руку от Ведова сидел ответственный за идеологию и пропаганду Иван Лозовой – священник, настоятель храма имени Александра Невского, прихожане его звали отцом Иоанном. Рослый глазастый мужчина с чёрной густой бородой, но в тоже время с тонкими, будто специально выщипанными бровями. На оперативки он приходил в джинсах и в пиджаке, что приближало его к «народу».

Рядом со священником сидел ответственный за досуг RASSOLNIK'ов. Другими словами – за корпоративный дух. Худощавый, бритоголовый, с маленькими глазами и гоголевскими усами – Константин Мильчин. Самый молодой из группировки, он организовывал совместные выезды на пикники, футбольные матчи, походы, посещения музеев. В его задачу входило сплотить RASSOLNIK'ов, **сколотить из них** одну команду, каждая часть которой была бы в ответе за другие.

Слева, напротив отца Иоанна, сидел настоящий богатырь – человек-глыба Андрей Рябов. В нём всё было выдающимся и ярким. Даже серые, коротко стриженные волосы на круглой

голове отливали, словно шелковые. Его розовые, пухлые, как у ребенка, щёки, глаза – карие и до ужаса добрые, могли внушить незнакомцу, что этот человек и мухи не обидит. Однако именно Рябов отвечал за силовые акции, за нападения, за зачистки, за потасовки и, наконец, за физическую подготовку бойцов.

Рядом с Рябовым сидел ещё один член основы – Семён Тихонов. Между собой его называли «бухгалтером», и на это было две причины. Во-первых, выглядел он как обычный офисный клерк: средний рост, аккуратно уложенные волосы, очки, всегда гладко выбритое лицо, дорогой костюм. Во-вторых, именно он отвечал за бюджет движения. Бюджет, надо сказать, был немаленький. Основные доходы обеспечивали спонсоры из сочувствующих, остальные деньги – это ежемесячные обязательные взносы самих RASSOLNIK'ов.

Таков был узкий круг основы. Бывало, собирались широким кругом, куда ещё приглашались те, кто отвечал за состав бойцов в отдельно взятых микрорайонах. Таковых в городе было пять. А значит, получалось, что с районными лидерами вся основа «фирмы» насчитывала десять человек.

Сегодня на повестке дня были вопросы, которые касались далеко не всех.

И Ведов начал с главного.

– Друзья, – сказал он, – нам пора выходить из подполья. Пора идти в политику. Вы же знаете, что скоро выборы мэра, и я уже давно думаю о том, чтобы попытаться заявить на них своего человека.

– А на фига? – перебил Мильчин.

– Как это на фига? – парировал Рябов, – когда мы придём к власти – нам проще будет двигаться. Мы сможем исправлять общество более... качественно, а не только колотить твердолобую топоту. Понял?

– От этой гопоты все проблемы общества, – вдруг сказал Константин.

– Давай без философии, а!?! – вступил в разговор Ведов, – хотя, если хочешь, умничаний, пожалуйста. Мы все знаем, кто сейчас тянет страну назад – это гопота на пенсии. С ними мы ничего поделать не можем, да они не так уж и вредны, если не считать их участие в выборах. Но есть ещё одна пенсионная гопота. Та, которая при власти. Вот где красных чиновников и моральных уродов как свиной нерезаных. Если не идти туда, то наша война на улицах может оказаться бессмысленной.

Священник закивал головой в знак одобрения оратора; Мильчин, увидев это, больше не стал спорить. Он Лозового уважал больше, чем всех остальных, вместе взятых.

Вопросы возникли у бухгалтера:

– Получается, что теперь мы должны открыться, Саш? Нам это надо?

– Вот этот вопрос мне не дает покоя. Открываться не хотелось бы, это ясно.

– А как тогда? – не понял тот.

– Да что тут непонятного?! – Рябов начал выходить из себя.

– Ну так объясни, умник! – слово «умник» бухгалтер произнёс вполне по – дружески.

– Как я понимаю, Сема, надо просто человека, левого, пропихнуть его во власть, поддерживать, а потом через него двигаться! Я правильно говорю, Саш? – он перевел взгляд на Ведова.

– В принципе, да, если в общих чертах, – ответил Ведов.

– Вот! – Рябов закатил глаза и ударил головой воздух.

– Ну вы, ребята, мутите! – снова оживился Мильчин.

Тут в разговор прорвался бас Иоанна.

– Как я понимаю, человек у тебя уже есть? – спросил он Ведова.

– Вроде есть, – сказал Александр.

Священник повёл узкой бровью, приглашая Ведова поподробнее рассказать о кандидате. И телеведущий рассказал про Рублёва. Кто он, откуда, черты характера, семейное положение,

образование, степень его осведомлённости о них. Уложился минут за десять. Вопросы посыпались не сразу. Сначала помолчали.

Первым не выдержал и покончил с тишиной кий, упавший где-то в районе бильярдного стола.

– А он тебя не сделает звездой в своей же газете? – откликнулся на звук от падения кия Константин.

– Хотел бы прославить, уже бы прославил, – снова парировал Рябов. Он Мильчина явно недолюбливал.

– И всё-таки я не понимаю, как мы будем его двигать? Что, он так и будет говорить: «я из RASSOLNIK'ов»? – не унимался «бухгалтер» Семён.

Отец Иоанн глубоко вдохнул, а это значило, что другим говорить в ближайшее время не стоило, его бас всё равно не перекричишь.

– Мне думается, что мы сейчас не о том, – начал он, – Рублёв ещё птица неизвестная нам, дай Бог он согласится, но может и плюнуть на нас. Но раз другого кандидата нет – будем работать.

Александр заулыбался и тут же поймал взгляд идеолога на себе.

– Я тебе, Саш, позвоню завтра, есть у меня пару идей на счет твоего кандидата. На связи будь.

«Блин, какие там ещё идеи у Иоанна? Что он выдумал? Как бы все не испортил. И кто меня дёрнул про Рублёва сегодня рассказать всем? Так все быстро закрутилось. Зато, дай Бог, теперь все по-настоящему будет», – размышлял Ведов, попивая чай с шоколадом у бара, пока RASSOLNIKI подводили итоги вчерашней акции и планировали следующую.

Поговорили и о других делах. О том, как так получилось, что их парень сорвался и напал на школьницу. Все уже знали, что он выбросился из окна СИЗО. Помянули, помолчали.

И пошли доигрывать в бильярд.

V

Накануне Рублев прожил бесполезный день.

Утром попытался написать текст в интернет-журнал. Не получилось. Фактуры хоть и было навалом – эксклюзивной, яркой, вкусной, но вот вдохновение куда-то спряталось. Даже головы не показывало, только иногда дразнило удачной строчкой или крепким образом, но тут же напускало на автора туман бессилия. Так продолжалось часа два, пока Рублёв в сердцах не ударил по клавиатуре ноутбука и не прихлопнул его экраном-крышкой.

«Может быть, позвонить подруге в Москву? Вдруг скажет что-нибудь такое, на что вдохновение незамедлительно вылезет?» – подумал Рублев.

Александр был одним из немногих русских, кто называл свою девушку подругой, тем самым давая понять ей и себе, что ни о каких определениях типа «любимая» не может идти и речи. А если прилагательные такие не употреблялись, то и говорить об этой самой любви считалось в его понятии возмутительным поступком.

Подругу звали Светой – когда позвонил Александр, она шла на работу.

– Ты что, запыхалась? Не торопись! Поболтай со мной! – попросил Рублёв девушку на том конце провода.

– Ну, Саш, я опаздываю, давай приду на работу – перезвоню, – голос тонкий, почти детский.

– Хорошо, пока!

– Ну не обижайся! – Света протянула гласные последнего слова.

– Я не обижаюсь, – отрезал Александр.

– Что-то случилось? – Света, видимо, решила не бросать трубку.

– Почему должно что-то случиться, разве я не могу так просто с утра позвонить подруге? – сказал Рублев и тут же смутился – что за пошлятину он несёт? Он ничего не мог поделать со своим языком, когда разговаривал со Светой. Почему-то приходили странные слова – чужие, непривычные.

– Где-то я уже это слышала, или читала, или слышала и читала, сказать где?

Света знала, что сейчас он мучается от сказанного им же самим, и поэтому решила добить. Девушки это умеют делать.

– Ну ладно, давай до вечера, – Александр понял, что разговора с обменом нежностями, новостями и слухами сейчас не получится.

– Пока, Саш! Только не обижайся, потому что мне сейчас, правда, некогда.

Нажал отбой. Снова включил компьютер. Полез на местные форумы не то за настроением, не то за информацией.

О RASSOLNIKах на городских сайтах писали много, несмотря на то, что эти темы вычищались. Однако дискуссий, которые делают темы посещаемыми, не было. Люди поддерживали «тех, кто долбит топоту» и желали им удачи в этом «правильном деле». Некоторые к словам поддержки добавляли примеры собственной встречи с гопотой, описывая их так, словно сдавали экзамен по русскому матерному. А кто-то отстукивал такие комментарии о топоте, что если бы Александр причислял себя к этому сословию, то даже он, человек, никогда не задумывающийся о суициде, полез бы в петлю.

Не только о топоте горожане отзывались скверно. Тот же неудержимый мат и ненависть встречалась в темах о политиках, коммуналке, туризме и даже о людях, которые занимаются благотворительностью.

И, конечно, все на форумах были экспертами во всех областях и не стеснялись критиковать даже те сферы, о которых и знатоки из популярной программы предпочли бы не говорить, чтоб не показаться идиотами.

Александр попытался представить на секунду обычного интернет-тролля. Это должен быть либо очень маленький, либо очень высокий мужчина. Хотя, возможно, и женщина. А может быть, дохляк, а может быть, жирный. Но ему точно до сорока! Каждый раз, когда он бьёт по клавиатуре, на его лице расплзается огромная улыбка, как у Чеширского Кота, только в глазах сверкает злость на весь мир. А где-то в подсознании вертятся его личные вечные комплексы: почему все кругом чего-то добились, а я вроде тоже получаю много бабла, вроде тоже работаю на крутой работе, но почему-то никто меня не замечает, не прислушивается. Разбираясь в этих вопросах, «местный житель» форумов злится ещё больше и жалеет об отсутствии автомата, поэтому и строчит пули-гадости в Интернете. Все равно ничего за это не будет.

А жаль, что не будет – раньше общество было культурнее потому, что за необоснованные оскорбления и враньё выбивали зубы. В особо развитых цивилизациях даже отрубали головы. Было время!

«Если и есть плюс у форумов – так это то, что подъезды и заборы нынче стали чище», – думал Александр, читая комментарии земляков, – всё, что раньше писали на стенах и заборах, теперь пишут в Интернете!».

Вспомнил университетского преподавателя истории Григория Ивановича Ковалева. Тот просто объяснял, почему в России форумы ещё лет тридцать будут кишеть злобными постами. Всё дело в том, что раньше в России не было возможности говорить то, что думается. Все свои мнения люди высказывали в тесных компаниях, только избранным давалось возможность выступить где-нибудь в печати или на митингах, да и то только с идеологически-выверенными тезисами. «А как всем хотелось сказать пару ласковых в адрес того, что кругом творилось! Вам, коллеги, не понять! И, слава Богу!» – говорил профессор. Потом, по его версии, в стране настала свобода слова. А когда уж Интернет стал доступен, то тут и полилось. Миллионы человек почувствовали себя счастливыми – ведь теперь они могут говорить всё, что захотят. Говорить за себя, говорить за родителей, многие из которых ушли на тот свет разочарованными страной и тем, что даже поделиться этим разочарованием не имели права.

«Это как надо было воспитывать людей, – думал Александр, – раз ненависть и оскорбления друг друга без дела стали нынче традицией, обычным явлением, настолько въевшимся в жизнь, что если бы все вдруг забыли ругательства, то мир бы сошёл с ума от скуки. Нет, представить это невозможно».

Однако Ковалев мог представить, ведь он был оптимистом. Он говорил, что наступит день, когда всех стошнит от своих же слов, но до того дня пройдёт ещё лет тридцать, пока не сменится «языковое поколение» (любимый термин Григория Ивановича), которое будет заходить в Интернет не с желанием там нагадить, а с желанием сказать что-то доброе. «А пока доброго слова не хватает, вот поэтому так и живем» – ещё одна любимая присказка профессора, которую он проговаривал на каждой паре.

Как-то Рублев спросил у него, что будет, если наказывать людей за оскорбления в Интернете, и спасет ли это мир. Профессор ответил, что это прямой путь к революции. Умный мужик был Ковалев. Говорят, бросил преподавать и уехал встречать старость в какую-то далекую деревню, чуть ли не отшельником там живет. Правильно делает, наверное.

Форумы вконец выбили журналиста из колеи. Вдруг захотелось, чтобы мозг очистил весь сегодняшний день. Все, о чём он подумал, всё, что прочитал, всех, кого вспомнил. Но отформатироваться не получилось. Зато получилось быстро заснуть.

Встал рано. И опять сам не свой.

Себя искать пошёл на улицу.

Снег крошил над мощными широкими «сталинками» вдоль центральной улицы. Крошил над уличными ретро-фонарями, над проплывающими трамваями, над головами скользящих по первому гололёду прохожих. Снег размывал видимость, эта городская панорама напоминала картинку из детских книжек, где дома, дворцы, улицы изображены смазанными штри-

хами; люди, машины – пятнами. Александр ещё в детстве заметил, что если во время снегопада встать в центре улицы и смотреть вдаль в перспективу, то легко можно спутать его родной город с Питером или Парижем, или любым другим городом из тех, которые он видел в своих фантазиях.

Александр шёл по тому самому проспекту, по которому любил гулять в детстве, и по которому вез его Ведов несколько дней назад. Где-то здесь за домом должна быть метка RASSOLNIK'ов. Вот она! Зияет черным сквозь поролоновый снег: «RASSOLNIKI 200». Да, их всё больше и больше. По телу Александра пробежала мелкая дрожь. Он не понимал, к чему это все. Возможно, пугают количеством? Отчитываются перед кем-то? Позируют? И что это за ерунда, что никто не видит, как меняются цифры? Невидимки что ли их переписывают? И вообще, как можно посреди такого чуда писать такую чушь? Даже думать о насилии среди этой красоты казалось предательством по отношению к осени, к городу, к снегу.

Черета этих вопросов завела Александра, он почувствовал, как к нему возвращаются силы, и вскоре он прозреет и поймёт. Всё поймёт. А, может быть, и понимать нечего? Били их в школе, вот сейчас и мстят обидчикам. Или в армии били. Или в парке. Или грабили когда-нибудь. Это же маньяки. Нету них никакой философии. Нет никаких целей во имя человечества. Лохи они.

«Вот так и напишу, – подумал Александр, – нечего из них героев делать». Кажется, муза наконец-то посетила его. От своих же мыслей Рублеву стало тепло, что-то горячее пробежало сверху вниз, будто выпил рюмку коньяка. Хорошо стало. Спокойно. Но вот коньяк стек до пяток, и ударил озноб – Александр выгасил из памяти образ Ведова. Вся теория о лохах-мстителях начала рассыпаться.

Рублёв точно знал, что Ведов не стал бы собирать вокруг себя жертв. Это не его почерк. Рядом с ним всегда крутились только лучшие, только сильные, желающие изменить мир настоящему.

Рублев проходил центральную площадь – Театральную. Чуть в стороне от театра стояла высокая продолговатая трибуна. Память вмиг нарисовала на этой трибуне второкурсника Александра Ведова, а вокруг всю их группу будущих журналистов. Александр кричал что-то про революцию в печати и на телевидении, что пора заканчивать со СМИ для власти, пора делать СМИ для людей. Публика, накаченная вином и травой, визжала от восторга и закидывала оратора комьями снега вместо цветов. Было весело. Стоя под трибуной, Рублёв вдруг вспомнил, что сегодня вечером Ведов приглашал его в храм. Причем написал об этом по электронной почте, не сказал ни адреса храма, ни цели поездки. Только время, когда тот за ним заедет. И на том спасибо. Время, кстати, поджимало – нужно возвращаться домой, и хоть какую-то информацию на сайт написать.

Показалось ли приглашение Ведова Рублеву странным? Безусловно. Он даже испугался. Ведь он не знал, на что способны RASSOLNIKI. Одно было ясно точно – он теперь для них человек опасный, он много интересного может рассказать миру. Но отказываться было совсем глупо – в конце концов, как ещё собрать материал, если не встречаться с главными героями. Да и не станут же они его убивать в церкви. Так не бывает! Или церковь – это всего лишь способ вытянуть его из дома?

Около дома зацепил зрением двух детей, играющих в заснеженной песочнице. Остановился, вспомнил, как с Ленкой – своей первой любовью, так же играл в этой песочнице, а потом, уже в старших классах, целовался. Правда, после школы Ленка уехала за границу, и любовь закончилась.

Приятные нотки ностальгии заглушил резкий мужской голос – кто-то стремительно приближался сзади.

– Ты что пялишься, сука? – Александр повернулся, увидел перед собой парня лет двадцати, «приблатнённого», в серой, под цвет глаз и всего лица, кепке, со шрамами на обеих щеках, с облезлыми губами.

– Хули надо, ты кто вообще? – продолжал распаляться тип.

– Да успокойся ты, жил я здесь, приехал недавно, вот хожу, ностальгирую, вспоминаю, как когда-то сам играл, – начал было объясняться Рублев, но потом передумал и даже приготовился к драке.

Однако собеседник поменял интонацию. Ещё бы лицо поменял.

– А, ясно! А я думаю – педофил какой, сейчас их развелось! Колян! – серолицый протянул руку.

– Александр! – Рублёв ответил.

– Значит, в этом доме живёшь? А что, приехал откуда? Навсегда?

– Из Москвы приехал.

Серые глаза незнакомца блеснули искренним интересом.

– В гости, значит?

– По работе, журналист я. – Александру разговор уже стал надоедать, он повернулся и начал было шагать в сторону своего подъезда, но серолицый окликнул его.

– Э, Сань, ну ты это, заходи в гости, я в этом же доме живу, в 15-ой! Моя тоже журналистом хочет стать, расскажешь, что там и как! – у парня выражение глаз снова поменялось, теперь это были глаза юродивого, просящего милостыню.

– Зайду, прямо завтра и зайду, – ускоряя шаг, отвечал Рублев, желая как можно скорее отвязаться от назойливого соседа. Перед тем как зайти в подъезд, не удержался, взглянул ещё раз на Коляна.

«Ну и ебло!» – подумал вслух и хлопнул входной дверью.

VI

В церковь приехали в восьмом часу. Кроме них здесь никого не было, только лики святых. Батюшка задерживался.

Храм имени Александра Невского. Рублев частенько бывал здесь раньше, но по утрам или во время праздничных ночных служб, когда весь храм наполнялся светом и людьми. Нынче же стоял мрак. И не души.

Где-то в углу у иконы Николая Чудотворца горели две свечи. Зажженные, кажется, звездами, что мерцали в окнах под большим куполом в центре храма. Других икон было не разобрать – их покрывали воздушные, но чёрные облака. Этот же жуткий туман окутывал гостей. Где-то за алтарём раздались шаги, скрипнула дверь.

– Сейчас включу свет! – взорвался чей-то бас, настолько громкий, что даже туман вздрогнул.

В миг по всей церкви зажглись сотни электрических свечей. Рублёв успел увидеть, как обидевшиеся ночные светила утонули в глубоком небе, но свечи у Николы даже не вздохнули.

Бас принадлежал бородатому мужчине в джинсах – он, улыбаясь, приближался к пришедшим. Рублёва почему-то смутило сходство тонких дуг его улыбки и бровей.

– Это отец Иоанн, – представил священника Ведов.

Рублёв замешкался, он всё не мог понять, как ему поприветствовать священнослужителя, поцеловать ему руку или просто пожать – ведь он не в рясе сейчас, значит, уже не «на работе». Иоанн разгадал паузу и первым протянул руку.

– Здравствуй, Саша!

– Приветствую! – Рублёв снова смутился.

– Пойдёмте, присядем, – предложил Иоанн.

Поднялись по винтовой деревянной лестнице на второй этаж. Там в углу стоял дубовый стол, три стакана, видимо, с кагором.

– Это была моя идея, Саша, пригласить тебя ко мне, – начал интриговать священник, опускаясь на широкую резную табуретку, – я хотел бы, чтобы ты правильно понимал, что в городе происходит.

– Да, кстати, – перебил священника Ведов, – отец Иоанн занимается у нас идеологией, но это не для печати, сам понимаешь.

Сразу четыре глаза уставились на Рублёва – хотели, видимо, понять, удивится ли тот раскрытой информации. Александр не стал показывать своих эмоций, хотя и был слегка шокирован.

– Так вот, ты же журналист, Саша, – продолжил священник, уже далеко не басом, – ты должен всех выслушать, а потом делать выводы, я прав?

Рублёв поморщился, но кивнул. Поморщился, потому что ненавидел тех, кто пытался рассказывать, как нужно работать журналистам.

– Главное, что ты должен знать, Саша, RASSOLNIKI – это не преступники, это не оголтелые отморозки. RASSOLNIKI – это наш ответ Сатане.

«О как! Мощно!» – Александр не смог сдержать улыбки.

– Мы никого не убиваем, – продолжал батюшка, – всё, что мы делаем – учим. Даём топоте понять, что за злом неизбежно следует наказание, что за все свои поступки рано или поздно придётся отвечать. Знаю, ты спросишь, на каком основании мы берём на себя ответственность Бога?

Речь отца начинала походить на монотонную проповедь, у Александра загудела голова – мозг чему-то сопротивлялся, а Иоанн, между тем, продолжал:

– Сегодня, Саша, неравные силы – сил зла в человеческом облики больше, поэтому мы обязаны ему сопротивляться, драться за богоугодное дело и иногда решать – кого, когда и как наказывать. Если черти вселяются в людей, почему ангелы не могут вселяться? Да, в итоге получается война людей против людей. Но это только на первый взгляд. Если взглянуть глубже, то ты увидишь, что идёт война Бога с Дьяволом. Мы за Бога, а ты за кого?

«Приехали! Ну как тут реагировать? – Александру уже даже улыбаться расхотелось. Похоже, священник меня зомбирует. Одну и ту же мысль повторяет несколько раз подряд. Избитый приём. И, конечно, всё это должно венчаться вопросом, на который невозможно не ответить так, как хочет собеседник. Пора попытаться сменить тему».

– А Вы, отец Иоанн, как пришли в RASSOLNIKI? Вам-то кто мозги обработал? – спросил Рублев.

– Я только хотел сказать, что сегодня Дьяволы – это те, против кого мы и устраиваем свои акции. Это топота. Это самые страшные грешники, – Иоанн и не собирался отвечать на вопрос Рублёва, – причём грешники уже не в первом поколении. Они настолько укоренились за последние лет девяносто в России, что их только каленым железом надо гнать, самыми жестокими способами.

– А как понять, кто грешники?

– Вот, хороший вопрос, – заулыбался Иоанн, и Рублев понял, что поспешил, – мы же не изверги, мы же только тех, кто реально замешан в тёмных делах, перевоспитываем. У нас, допустим, есть свои люди в органах, они нам часто сообщают точки, где творится неприглядное, людей, которые заслуживают уголовного преследования, но по каким-то причинам его избегают, у нас огромная база, поверь. Плюс наша собственная сеть очень обширна, RASSOLNIKI есть везде, в каждом районе. То есть ты понимаешь, Саш, наша задача не всех подряд перевоспитывать. А только тех, кто не дружит с законом, с культурой, духовностью, то есть тех, кто не дружит с Богом. Пафосно? Но ты-то понимаешь? – отец Иоанн замолчал и начал ждать ответа, поглядывая куда-то сквозь Рублёва.

Рублёв отпил кагор, облизнулся и долго придумывал, что бы такое спросить, чтобы опять не отвечать батюшке.

– Скажите, а почему вы все уверены, что такие люди появились благодаря, скажем так, советской власти? – Александру показалось, что его вопрос прозвучал невнятно, решил срочно уточнить, – то есть, почему вы уверены, что топота – это порождение красной России? Что, до этого не было гопоты?

Иоанн снова улыбнулся, и этого вопроса он тоже наверняка ждал.

– Ну, во-первых, бездуховных не было – даже воры и убийцы верили в Бога, во-вторых, не было ТАК много гопоты. Так что да, я убеждён – массовый характер этого беззакония и бескультурья, с плодами которого мы сейчас и боремся, это именно порождение Революции 1917 года. Тогда к власти пришла именно топота. Бандиты, понимаешь? И они всем правили почти век, – батюшка погладил свою бороду, глубоко вдохнул, снова погладил бороду, – Саш, пойми, для RASSOLNIK'ов топота как выкидыш СССР – это всего лишь теория. И у неё много слабых мест. К тому же в первые красные десятилетия порядочных людей было гораздо больше, многие ещё верили в традиции, носили кресты, боготворили землю, на которой жили, но, в конце концов, их просто обманули, аппарат хорошо это умел делать.

Рублев слушал, и всё чаще отпивал кагор, может быть, головная боль быстрее улетучится...

Отец Иоанн продолжал монотонно рассказывать:

– Смотри, Саш, именно порядочные люди выиграли войну с Гитлером, но потом что с ними сделали эти подонки, преступники, многие из которых во время войны прятались в окопах и в кабинетах? У этих нелюдей была возможность отсидеться, – к сороковым годам те маргиналы, что пришли во власть в 1917 году, стали большими шишками и могли о себе и

своих близких позаботиться. А нормальные мужики, крестьяне, работяги, штрафники, те, у кого хоть что-то святое осталось, шли в атаки. И даже хорошо, что они шли, ведь, повторюсь, в них хоть что-то святое осталось. Большинство из них легли либо на войне, либо после. Как думаешь, Саша, если бы ещё один Гитлер появился где-нибудь в шестидесятые или в семидесятые, СССР бы выиграл войну?

Александр увидел, как оплавившись, потухла одна из свечей у иконы Николая Чудотворца, вторая тоже была на подходе. И это наблюдение, наконец, отвлекло его от священника, ему захотелось встать и спуститься к этой оставшейся свече и спрятать огонёк в ладошках, чтобы тот не затухал как можно дольше.

Иоанн, опять не дождавшись ответа, чуть повысил голос:

– Не выиграла бы, потому что гоповская власть к тому времени деградировала окончательно! И люди уже не верили ни в страну, ни в идеалы, которые проповедовали её лидеры, люди уже ни во что не верили. И в Бога по инерции не верили тоже. Только в наживу верили: все стремились что-нибудь урвать. Потерялось уважение друг к другу и вообще к человеку. И даже цвет нации, те же победители начали терять надежду на лучшее. Многие спивались, многие вешались, многие уехали тогда из страны, но подавляющее большинство приняли правила игры умирающего общества. Люди при Хрущёве, особенно при Брежневе – историю-то помнишь, потеряли остатки святости, забыли, что есть Бог, есть вера.

– Но ведь рухнула та система, и веру вернули. Люди вернулись в церковь – те же, кто в советское время жил. В Москве всегда храмы пенсионерами заполнены, – зачем-то попытался возразить Рублёв, наверное, просто надоело молчать.

– Александр, я тебя умоляю, – и это «умоляю» из уст священника звучало совсем не пошло, – да эти пенсионеры и ветераны, не все, но половина точно, ведут себя в церкви хуже, чем топота в ночном клубе! Орут, друг по другу ходят, воду святую и ту пятилитровыми бутылками выносят. О какой вере говорим!? Такие никогда не знали, что такое вера и умрут в неведении, без Бога. Ты думаешь, они грехи свои замаливают здесь? Или грехи советского государства? Да никогда.

– Может быть, их тоже начать наказывать? – Александр как будто начал издеваться.

– Да нет, в данном случае мы должны подавать пример терпимости, должны их прощать, должны разьяснять, в чём их грехи. Мы же не мстители!

– А почему бы и других не прощать, не подавать хороший пример, не учить?

Александр показалось, что он завёл священника в тупик, но судя по тому, как широко улыбнулся отец Иоанн, растянув губы чуть ли не до своих тонких бровей, в тупик завели его самого.

– Вот этим мы и собираемся заниматься плотно в самое ближайшее время. Мы намерены, Саша, пойти во власть и, победив, начать более гуманными методами перевоспитывать Россию.

– Пойти во власть? То есть революция? – испугался Александр.

– Зачем? Зачем революция, когда есть выборы? Выборы – это гораздо дешевле и быстрее, чем революция, ты сам это понимаешь, – и, потрепав бороду, добавил, – эх, Александр, запомни, что я тебе скажу сейчас: Россию сегодня может спасти только одно – достойные люди у власти. Причем, если сегодня достойные станут главами сельпо, то завтра – мэрами городов, а послезавтра – губернаторами, а совсем скоро кресла и под ними воспламятся, – на словах «под ними» батюшка ткнул пальцем вниз...

«К чему он клонит, зачем вся эта запутанная лекция с какими-то неадекватными аргументами и идеями? – терзал свою большую голову Рублёв, – неужели его и правду зомбировали или действительно просто пытались объяснить свою теорию?»

Всё, что он хотел услышать – он услышал, да и терпеть дребезжание, постукивание, вздутие – всё, что творилось в его голове, уже было невмоготу.

– Ладно, – Александр подскочил с табурета, – мне пора. Спасибо за увлекательный рассказ.

– Да, конечно, Саш, иди. Что-то я заговорил тебя совсем, прости, – как старый друг залепетал священник.

Когда спустились, обратил внимание, что и вторая свеча у Николы догорела. Больше нечего зажигать звездам.

– Бог вам в помощь! – пробасил на прощание уходящим отец Иоанн.

Дверь Храма скрипнула на прощание, друзья вышли на улицу. Не говоря не слова, дошагали до машины. Рублев заметил, что Ведов был сейчас не менее задумчив, чем он.

Так и ехали молча. В какой-то момент им обоим показалось, что они стали чужими, даже не смотрели друг на друга, как таксист и пассажир. Первым не выдержал водитель.

– Кстати, он не ответил на твой вопрос о себе. Сам Иоанн потомок дворян, этот храм строили его предки. Его пра-какой-то дед служил здесь священников в 19 веке. Потомственный батюшка! А потом с 1917 года здесь свиней держали. Так что Иоанна понять можно.

– Я понял его, у каждого своя правда. Помнишь, нам так в университете на лекциях по журналистской этике говорили?

– Кстати о журналистике. Ты же помнишь, как нам говорили, что настоящий журналист должен изнутри свою тему изучить, влезть в шкуру своих героев и все такое? – спросил Ведов и зачем-то остановил машину.

– Ну?

– Тебе повезло. Я поговорил с нашими, никто не против, чтобы ты с нами в какой-нибудь акции поучаствовал. Только без съёмки.

– Супер, только бить морду я никому не буду, – сразу предупредил Рублёв.

– Твои проблемы. Но тебе придется быть вместе со всеми, не со стороны наблюдать, ты же понял, да? – уточнил Ведов и, разглядев в глазах Рублёва нерешительность, добавил, – ну тебе же нужно «мясо»? Ты же не по рассказам очевидцев писать будешь?

Ведов знал, чем зацепить коллегу.

– Вот ты сука, старик! Ладно, конечно я «за», какой разговор, это же моя работа!

– Отлично! Давай прямо завтра и поработаем! – Ведов снова завел свой драндулет, – завтра как раз в твоём районе акция будет, все собираются около восьми за гастрономом. Гастроном напротив твоего дома, с такой красной вывеской, помнишь?

– Конечно, он до сих пор не изменился, кажется.

– Ну вот, завтра там и встретимся!

– Слушай, Сань, а ты меня зачем сегодня к батюшке-то привез? На него вообще можно сослаться в материале? – Рублёв этот вопрос хотел сразу задать, как от храма отъехали.

– Нет, я тебя прошу, об этом разговоре писать не надо.

– Так зачем тогда все это? – удивился Александр.

– Слушай, давай завтра, а? Я тебя прошу, все завтра, хорошо? – интонации Ведова были такими, как будто он сутки простоял у станка и уже физически не мог общаться.

– Хорошо, договорились! – Рублёв решил не давить на Александра. Тем более, тот и так во многом шел ему на встречу.

Впечатления от встречи с батюшкой, неполученные ответы, ожидания завтрашнего дня не дали Рублеву уснуть в эту ночь. Мысли, как взбесившиеся мыши под плинтусами, носились в его голове.

И только утром как-то не по-человечески хорошо сделалось! Как будто из горной реки вышел на щедрое солнце. Как будто погрузился в ванную с любимым парным молоком. Как будто куда-то запропастившиеся ангелы – хранители сна и беззаботной жизни – вернулись и теперь укрывают его выстиранными в нежности простынями – спи спокойно, бедный Сашенька, до самого вечера спи, а лучше до самого конца.

VII

К восьми за гастрономом собралось человек тридцать. Точно Александр посчитать не успел. Его внимание привлёк огромный человек в красной шапке, человек-противоречие, как определил его для себя Рублёв. На вид это был – здоровенный детина, но если посмотреть в его глаза – ребёнок. В них всё ещё не погас интерес к миру. «Детина» смотрел на всех собравшихся с таким любопытством, как будто только что вышел из леса, где провёл двадцать лет. Его большие карие глаза обследовали и Рублёва, остановившись на его глазах. И тут Рублёв узнал в любопытной дылде старого друга, который когда-то ныл под окнами, уговаривая его – домоседа, пойти погулять.

– Андрюха? – осторожно спросил Рублёв.

– Саня, ё-моё, – здоровяк в долю секунды оказался в полуметре от Александра и протянул ему лапу, заранее отправив в карман два металлических шарика, которые перебирал до этого, – ну, конечно, как же я сразу не сообразил?! Рублёв!

– Ряба! – вскрикнул Саша и прильнул к старому другу, как банный лист. – Ты-то здесь какими судьбами?

– Да я здесь главный, вот собрал парней! – в невероятном мажоре сообщил Рябов, Рублёв на этих словах посмотрел на Ведова, будто задавая немой вопрос Андрею.

– А, Саня! – сообразил Рябов, – не, ну Саня у нас, конечно, лидер, а я типа главный по зачисткам!

Рябов неожиданно кулаками ударил Рублёва в плечи – он так любил делать с самого детства, и с самого детства бесил этим своих друзей, в том числе Рублёва.

– Значит, типа заводишь? Так и остался? – спросил Александр как можно дружелюбнее, хотя ему хотелось сейчас залепить тому в морду. Заболевшие от удара плечи просили отомстить за себя. И вообще, Рублев понял, что не так уж сильно рад встрече с дворовым товарищем, о чём с ним разговаривать теперь? Оба уже абсолютно разные люди. Да и что это за занятие для здорового мужика – дубасить топоту по вечерам? Явно не от большого ума этот большой человек пошёл в RASSOLNIKI.

Но тот и не собирался докучать старому приятелю разговорами, не до того сейчас было. Десятки здоровых парней мяли снег в ожидании крови.

– Расклад такой, сначала пойдём в «девятки» у станции, там погоняем наркоманов, потом вместе с группой Костяна попрыгаем на быков в парке, – от «доброего» Рябова остались только глаза, тон его был при этом командирским, как будто лет двадцать сержантом в войсках ВДВ отслужил, гоняя духов по лесам и полям, – вопросы есть, парни?

Вопросов не было. Вышли к гастроному, рассосались по длинной улице, затянутой обильной тенью – всё дело в том, что фонари хоть и светили, но почему-то освещали не улицу, а горизонт. Прожекторы били в сторону завода, выводя вдалеке силуэты доменных печей и очертания огромных горящих факелов – такие обычно зажигают на Олимпийских играх.

Дойдя до ближайшего перекрёстка, свернули. Освещенный горизонт остался сбоку и лишь иногда мелькал между пятиэтажками.

Минут через пять свернули ещё раз, завод и пятиэтажки оказались сзади, впереди в темноте стоял березовый лес, сдавшейся ночи окончательно и до утра. Лес почти пробежали, Рублев бежал одним из последних.

«Зачем бежать, что за игра в войнушку?» – усмехался он про себя над происходящим, силясь вспомнить, что будет за лесом. И когда показались первые огни, вспомнил – это же «свечки» железнодорожников. Так называли дома, стоящие на самом краю микрорайона, практически вплиты с железнодорожной станцией – крупным транспортным узлом.

Здесь когда-то жили сотрудники этой станции, но со временем свои квартиры они приватизировали, продали и переехали кто куда. Сюда же из-за низкой стоимости жилья въезжал всякий сброд. Уже к нулевым за «свечками» установилась дурная слава – отстойник, притон, блат-хага. Таксисты – и те не соглашались сюда подъезжать.

– Значит, смотрите, есть информация, что в первом доме в подъезде наверху висят наркоманы, дезоморфиновые, они там у кого-то «крокодил» варят и все в подъезд вываливаются, – сообщил Рябов сбившимся в кучу «чистильщикам». Свет в окнах дома словно дёргался вверх-вниз, соединяя жидкие жёлтые нимбы в одну сплошную световую линию.

– Накроем сразу или покреативим? – спросил Рябов соратников.

Давайте покреативим! – Попросил у Рябова парень в красных джинсах с длинными волосами. Он явно отличался от всей армии RASSOLNIK'ов, похожих друг на друга, как тридцать три богатыря из сказки. Если учесть, что дядькой Черномором в этой компании был Рябов, то охотника за креативом Рублёв окрестил «Русалкой».

На наркоманов решили напасть красиво.

Зашли в подъезд, потихоньку стали подниматься, почти на цыпочках. Где-то на пятом этаже послышался гогот – кто-то действительно был наверху и, судя по голосам, их было не меньше десяти. Миновали ещё этаж. Александра удивило, как спокойны парни, ставшие сегодня его соратниками, они как будто по домам расходились, а не шли бить наркоманов, от которых не знаешь, чего ждать.

На седьмом этаже Рябов кивнул Русалке. Тот направился клифту, вызвал его. Через секунд десять двери за ним задвинулись, за стеной справа взвыло. Предводитель достал из кармана металлические шарики, покрутил их на ладошке большим пальцем, сжал оба в кулаке.

Услышали, как двери лифта открылись на девятом этаже. И голос Русалки:

– Эй, пидоры, сейчас жопу вам надеру!

– Погнали! – оглушил всех Рябов и ринулся по ступенькам вверх.

Александр не успел отреагировать и оказался прижатым к стене, мимо него пронеслась вся толпа. Поняв, что медлить, значит казаться трусом, Рублёв быстро оттолкнулся от стены и затопал по лестнице. На девятом все наркоманы были уже разобраны, их пинали по двое, а то и по трое. Кто-то из них уже лежал, кто-то стоял на коленях. По подъезду разносился визг – крокодилышки орала как бабы, приводя неожиданных гостей в ещё большую ярость. На этаже было четыре квартиры и общий, довольно широкий холл. На площадке и ступеньках свободного места не было, жертвы и нападавшие тёрлись друг о друга. Иногда кто-нибудь да наступал на тех, кто уже лежал лицом в бетоне.

Находиться в этой жестокой тесноте Рублёву стало противно – под ногами липко, да ещё вонь невыносимая, видимо кто-то продолжал настойчиво готовить наркотик. И этот кто-то вскоре себя спалил, открыв двери квартиры, самой ближней у лифта, в правом углу холла. Не зря говорят, наркоманы – тупые и конченные люди.

Первым у дверей оказался Рублёв – сам не понял, почему он сюда побежал. Секунда на размышления – и Александр ударил наркомана ногой в грудь. Ошарашенный недоумок даже не попытался встать. Рублёв хотел было прыгнуть ему на живот, но не успел – забежавший в квартиру Русалка юркнул у Александра между ног и, схватив «крокодилыщика» за волосы, ударил со всей дури головой об пол. Из рта потекла пена.

– Фу, бля, как всегда! – фыркнул на того Русалка и пошёл на кухню. Александр пошел за ним. На газу стояли кастрюли и металлические тарелки. В миг всё слетело на пол, опрокинулся и стол у закуреного окна, само окно тоже треснуло от удара Русалки и посыпалось на подоконник. В этот момент в коридоре кто-то вскрикнул – чувство боли только сейчас дошло до избитого «крокодилыщика».

– Тормоз ёбаный, – пробубнил под нос Русалка, и Александра вновь поразило, как тот спокоен. Самого же Александра трясло, словно ветку березы перед дождём.

Из подъезда вышли спокойным шагом, осмотрелись – все на месте. Толпа по-прежнему молчала и не выдавала ни ноты нервозности.

– Сейчас второй дом прошарим и в парк, – скомандовал Рябов, – давайте половина по этажам, половина в подвал – здесь местные малолетки тусят. Пиздить всех!

RASSOLNIKI быстро разделились и, подойдя к «свечке» двумя змейками, втекли в подъезд и в подвал. Рублев в этот раз решил остаться на улице рядом с Ведовым, который и в прошлый раз в подъезд, кажется, не заходил.

Парни явно кого-то нашли. Сверху и откуда-то из-под земли сначала послышался мат, потом визг, а затем и вовсе рёв, видимо, правда, малолетки.

– Мелких-то не жалко? – спросил у Ведова.

– Умнее будут, – ответил тот. И спрятал лицо в тень, но вряд ли бы Рублёв увидел в нем жалость. Вряд ли.

Александр заметил, что окна уже «зачищенной» многоэтажки не горели. Вскоре и этот дом потух, только где-то в одном оконце на седьмом этаже почему-то мигали гирлянды.

Зачистку второй «свечки» закончили быстро, минут за пять, сначала выбежали «бойцы» из подвала, затем высыпала и та группа, что уходила на этажи.

Покидая двор, успели попрыгать на белой шестёрке, выбили окна, стёкла сыпались в снег тихо.

– Всё, парни, скучковались, наши уже в лесу! – проорал Рябов на весь двор. Рублев услышал, как вокруг него что-то зашипело, затрещало и двор озарился разноцветными огнями – RASSOLNIKI зажгли файера. И тут все тридцать человек начали скандировать во всю глотку: «Топота, сосать! Топота, сосать!». И побежали.

Через мгновение Александр уже не мог видеть ничего вокруг, кроме дымящихся файеров. Он бежал вместе со всеми, причем в середине толпы.

Куда несла его толпа? Вот они пробежали лес, вот свернули в сторону станции, скоро должен был показаться памятник погибшим на войне железнодорожникам – высоченный мужик с прожектором во лбу и с длиннющим штыком.

А вот и прожектор! Саша успел распознать вдалеке яркий луч света. Скоро железнодорожник предстанет во весь рост. Рублев помнил – у памятника раскинулась аллея, уставленная скамейками и чугунными, чтоб не унесли, урнами. Далеко не цвет общества собирался здесь во времена его юношества. Времена, видимо, не изменились.

Через несколько минут бега железнодорожник, наконец, весь оказался в зоне видимости. RASSOLNIKI перешли на быстрый шаг. Вскоре подробно смогли разглядеть и аллею.

Александр увидел, что со скамеек, как воробьи, подорвались десятки парней. У многих в руках сверкали стеклянные бутылки и металлические банки. Те почему-то смотрели в две стороны: на толпу людей, до которых было метров сто, благо лоб железнодорожника хорошо освещал каждого из них, и куда-то назад, за спину железного великана.

«Лучше бегите, парни!» – мысленно посоветовал им Рублев. И тут понял, почему гопники вертелись в обе стороны. На них и сзади шла толпа. Это Мильчин со своими.

Кругом снова зашипело, и в небо полетело пламя файеров. На ошарашенных, мирно отдыхающих пацанов двинулись две армии с факелами и оглушающе-слаженным диким ором: «ГО-ПО-ТА СО-САТЬ! ГО-ПО-ТА СО-САТЬ!»

Тиски сжимали сбившихся в стаю гопников все быстрее, как будто с обеих сторон на них неслись поезда. За десять метров до цели в противников полетели факела. Пацаны пытались их отбивать кулаками и бутылками, стая как будто жонглировало огнем.

Александр понял, что «зачистки» в подъезде были всего лишь тренировками, а кульминация вечера наступает только сейчас.

– Ебать, вам пизда! Вы кто такие, вы че, бля? – начали было пацаны, но вскоре их уже не было слышно. RASSOLNIKI словно с цепи сорвались. Они буквально месили своих жертв,

засовывая им во все дыры их же бутылки и банки. Рублёв даже успел испугаться. От запаха крови и пронзительных криков у него кружилась голова. Александр отошёл в сторону за скамейки, оплёванные семечками. Вдруг перед ним возник худощавый тип в спортивных штанах и ботинках. В руке он держал разбитую бутылку – «розочку»

Александр, как мог, собрался, встряхнул головой, выставил вперёд руки.

Он хотел подпустить одинокого гопника ближе, чтобы встретить его резким ударом ноги. Шаг, ещё шаг, давай, сука, ближе.... Рублёв уже начал отрывать подошву от земли, но «сука» вдруг рухнул мордой о бордюр. Это Рябов пробил ему голову одним из своих маленьких, но тяжёлых шариков.

Шарик лежал тут же в крови. Андрей стрёб его своей лапой, предварительно прокатив по снегу, отчего на снегу осталась яркая алая полоса. Вокруг по-прежнему рубили ногами и руками, лежащих поднимали и снова обрушивали на их головы удары. Даже воздух, казалось, было страшно и больно. Кислород спешил покинуть это адское место, дышать, по крайней мере, Рублёву, становилось всё труднее.

Вероятно из-за недостатка кислорода, или из-за невероятной дозы адреналина мозги Рублева на какое-то время выключились. Память провалилась. Отображать действительность Александр начал только на каком-то железнодорожном мосту. Как он здесь оказался – не помнил. Сколько времени прошло после того, как ушли из сквера – тоже. Голова гудела, вокруг все было как в тумане, его догоняли, обгоняли, растворялись в тумане чьи-то тени.

Рублеву стало невыносимо страшно. Вдруг кто-то похлопал по плечу. Саша вздрогнул, адреналин снова ударил в мозг. Еле собрал последние силы и, не сбавляя шаг, обернулся – за ним шел Ведов, улыбался.

– Ну как ты? – Спросил он.

– Отлично все, что, не видишь? – Рублёв говорил горлом.

– Слушай, Сань, пока время есть, хотел с тобой поговорить, – и сразу перешел к делу, – тебе как вчера разговор с бабушкой? Наверное, всю ночь не спал, обдумывал?

– Ну ещё бы, – не стал скрывать Рублёв, – у меня такое чувство было, что он меня зомбировал.

Ведов расхохотался, его смех эхом улетел ввысь и там разбился об переговоры диспетчеров с железнодорожной станции – с моста можно было увидеть ее огни.

– Я тебя сейчас тоже буду зомбировать! – предупредил Ведов, – только ты адекватно все восприми.

В следующую минуту, на ходу сверля виски Рублева взглядом воинствующего сектанта, Ведов рассказал ему о политических планах RASSOLNIK'ов. О том, что они намерены выставить своего человека на ближайших выборах мэра.

– Удачи! – саркастически пожелал Рублев.

– Подожди. Это не все. Мы решили сделать своим кандидатом тебя...

Рублёв аж подавился слюной. Естественная реакция. Он мог ожидать чего угодно, но не такого! Голова, видимо от шока, прогнала всю боль и стала ясной, как озерная гладь ранним утром.

«Вот к чему подводил меня вчера Ведов, вот зачем промывал мне мозг бабушка, – соображал Рублев, – хотя нет, это же все прикол, наверное. Бред собачий.»

– Что за бред? – сказал вслух Рублёв.

– Это не бред, – ответил Ведов и снова начал сверлить взглядом его виски. Александр отвернулся.

– Конечно, спасибо за доверие, Саш, но что будет, если я откажусь? – единственный вопрос, который пришел сейчас в голову Рублеву.

– Тогда баллотируется отец Иоанн, – то ли пошутил, то ли пригрозил Ведов, – правда, ему придётся завязать со священством.

– Но это уже не мои проблемы, – сказал Рублёв.

– Не твои. Но ты все же подумай, хорошо? – попросил Ведов и, прибавив шаг, скрылся в толпе.

Александр попытался представить, что весь вчерашний и сегодняшний вечер – это один сплошной розыгрыш. Но, к сожалению, это было не так.

Его ещё долго нагоняли и обгоняли бойцы RASSOLNIK'ов. Они что-то говорили, гоготали, сплевывали, все вроде были в хорошем настроении. Вот только мост все никак не заканчивался. Может это все сон? – предположил Рублев, но и эта версия разбилась, когда под ним вдруг застучал, загудел быстро несущийся поезд.

Господи, вот бы прыгнуть на этот поезд и свалить отсюда, с этого города, – мысленно взмолился Рублев и с надеждой стал смотреть сверху на крыши удаляющихся вагонов, будто на одной из них стоялам. Лучше оставить Сам с заглавной буквы, так как имеется ввиду не сам герой, а Бог.

VIII

Рублев очнулся в полупустой маршрутке. Бодрый, с чистой, проветренной головой. Но как здесь оказался – не вспомнил. Последнее, что записала память – разговор с Ведовым. А дальше – провал.

Сколько я пробыл так, не в себе, загруженный затуманенными событиями прошедшего вечера? – попытался понять Рублёв. Нашарил в кармане мобильник, достал и посмотрел на дисплей – двенадцать ноль-ноль. Но время не о чём не сказало.

Пробелы в памяти взволновали Рублева. Стало не по себе. Казалось, не достаёт какой-то части тела и этот недостаток нужно срочно восполнить, иначе и шаг сделать будет невозможно. Вот парадокс – память это процесс психический, а её отсутствие ощущаешь на физическом уровне, – подумал Саша и тут же обрадовался тому, что в принципе может думать – значит, не всё потеряно!

За окном мелькали знакомые пейзажи. Скоро должна выползти из темноты нужная остановка. Атам домой. Спать, спать, спать... Восполнять потерянное.

Рублёв и не подозревал, что вечер только начинался.

Водитель «Газели» высадил своего единственного пассажира на бетонной площадке. Александр проводил маршрутку взглядом, так резко затянулся морозным воздухом, что аж на несколько секунд потемнело в глазах, потом посмотрел по сторонам. Вдали горели большие красные буквы гастронома. Это был тот самый магазин, у которого сегодня собирались на зачистку RASSOLNIKI. Рублёв вглядывался в здание, пытаясь понять, какой мог так далеко оказаться от своего микрорайона, что пришлось даже ехать обратно? Ответов не было никаких. Александр решил смириться и лечь спать. Он быстро зашагал в направлении своего двора.

Единственное, что продолжало выедать ему мозг – это друг детства, здоровяк Рябов. И даже не сама его личность, а факт того, как всё закручивается в его новом деле: сразу два друга по уши в этой организации. Её лидеры. Это, может быть, судьба – ведь ничего просто так не бывает, правда? Александр искал ответы у запорошенных деревьев, у мигающих кнопок домофонов, у припаркованных на газонах машин, но всё молчало. Тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.